

Е. Н. ЧЕРНЫХ

**СТЕПНОЙ ПОЯС ЕВРАЗИИ:
ФЕНОМЕН КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР**

Евгений Черных

**Степной пояс Евразии:
Феномен кочевых культур**

«Языки Славянской Культуры»

2009

Черных Е. Н.

Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур /
Е. Н. Черных — «Языки Славянской Культуры», 2009

Великий Степной пояс Евразии. Протянулся на восемь тысяч километров от моря Черного на западе вплоть до моря Желтого на крайнем востоке континента, а его площадь охватывала не менее 8 миллионов квадратных километров. Степной пояс с V–IV тысячелетий до н. э. вплоть до Нового Времени (XVI–XVII вв.) служил истинным доменом, где зарождались культуры кочевых и полукочевых скотоводов. Борьба между ними и оседлыми культурами очень часто принимала крайне жестокие формы. Их «звездным часом», но и «лебединой песней» явилась всеохватная империя Чингис-хана и его наследников. В трех частях книги – «Картины исторические», «Картины археологические» и «Русь, Россия и Степной пояс» – представлено широчайшее полотно феномена этих культур с V тыс. до н. э. вплоть до современности.

© Черных Е. Н., 2009

© Языки Славянской Культуры, 2009

Содержание

Введение	5
Трагический тринадцатый	5
Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения	7
География моделей жизнеобеспечения	9
Евразийский континент: членение по широте и долготе	11
Геоэкология Степного пояса	12
Западноевразийская половина пояса и ее границы	14
Аравийские пустынные нагорья	24
Степной пояс как домен	27
Часть первая	29
Пролог – 1	29
Источники исторические и синдром Нарцисса	30
Три волны кочевников	30
Глава 1	33
Покорение Иберийского полуострова	33
Католическая Европа готовится к отпору	37
Географические представления европейских властителей	41
Европа двинулась на Восток	44
Глава 2	53
Нежданные пришельцы	53
Возвращение к 1206 году	54
От Самарканда до Калки и назад до Монголии	62
Всеохватная Великая империя	66
Кентавры с баллистами	72
Глава 3	75
Монгольская половина Евразии	75
Микроскопический полигон	77
Восток и Запад: где же граница между ними?	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Евгений Николаевич Черных

Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур

Введение

Степной пояс: геоэкология, системы жизнеобеспечения, культуры

Трагический тринадцатый

Тринадцатый век в сознании множества народов Евразийского материка предстал как один из самых кровавых и трагичных во всей долгой истории крупнейшего континента нашей планеты. Ключевым событием этого времени, конечно же, явились молниеносные и всепокрывающие нашествия степняков – стремительных монгольских всадников-кочевников. Всего за несколько десятилетий территория их завоеваний покрыла такие пространства, что все произошедшее не просто удивляло, но и потрясало неправдоподобием гигантского охвата. Воля покоренных степными всадниками прочно сложившихся и казавшихся несокрушимыми государств будто бы по мистическому мановению оказалась повергнутой буквально в паралич. Порой возникало впечатление, что некоторые из подобного рода социальных объединений даже не пытались сколько-нибудь активно сопротивляться.

В долгой исторической памяти тех народов, которые не только в научной, но даже в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены не только письменные источники, но также изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда явились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что эти дьявольские создания питаются мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Только за тяжкие грехи наши мог Господь наслать на нас эту адскую напасть». Примерно такими смятенными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы вплоть до крайнего европейского запада – Британских островов. Сходные стенания слышались в те времена и по множеству областей Азии.

Однако, как это нередко случается, страшные трагедии по прошествии некоторого времени могли обернуться даже неким позитивом. Кровавый ужас XIII века привел в одном, но очень важном аспекте именно к похожему результату. Тогда в понимании ряда представителей интеллектуальной элиты подчиненных монголами стран стало пробуждаться осознание громадности евразийского мира. Сам мир как будто несоразмерно раздвинулся, стал более прозрачным и понятным; и это повело к формированию нового взгляда на окружающий мир, к иным принципам ориентации и оценок.

Вспомним, к примеру, видного перса Рашид-ад-дина, первого везира при дворе ильханов – монгольских завоевателей и властителей Ирана; заметим при этом, что кроме своего незаурядного придворного статуса его, бесспорно, можно относить также и к разряду выдающихся историографов Средневековья. Вот как – уже в самом начале XIV века – представлял себе этот персидский историк, по сути, заново открывшийся перед ним гигантский мир:

«Прежде всего, надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отличное друг от друга население, одно оседлое, другое кочевое. Особенно в той области или стране, где есть луга, много трав, в местностях, удаленных от предместий городов и от селений, много бывает кочевников, – что мы наблюдаем в пределах Ирана и во владении арабов, где есть безводные пустыни с травой; такая земля подходящая для верблюдов, потому что они поедают много травы, а воды потребляют мало. По этой причине племена и кланы арабов устроили по всем степям и долинам места своих кочевок от пределов Запада до крайнего побережья Индийского океана в количестве большем, чем это требовала численность народа. Точно так же народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах,... известных под именем Могулистана (страны монголов),... кои явились смежными с (Великой) Китайской стеной... Благодаря своей силе, могуществу, власти и завоеваниям, они распространились по всем областям Китая, Индии, Кашмира, Ирана, Византии, Сирии и Египта, подчинив себе большую часть государств населенной части мира» [Рашид-ад-дин I: 73–74].

Вполне возможно, что именно у Рашид-ад-дина впервые отчетливо прозвучало понятие «пояс земли», и это стало созвучным тому, что уже в настоящее время многие вкладывают в термин «Степной пояс Евразии», запутанной истории которого и будет посвящено большинство разделов нашей книги. Однако прежде чем перейти к более детальному рассмотрению того, что мы вкладываем в это понятие, вспомним о распределении по евразийским просторам различных экологических зон и взаимосвязи с ними разнообразных человеческих культур.

Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения

Не подлежит ни малейшему сомнению та уже давно и банально звучащая истина, что важнейшие черты различных культур в огромной степени и зачастую предельно жестко зависели от тех геолого-географических условий, в которых оказывались разнообразные человеческие сообщества. Утверждение это, по существу, является ныне уже постулатом, причем весьма древним. Ведь еще в V веке до н. э. «отец истории» Геродот писал, повествуя о стиле жизни кочевых скифов, столь отличным от образа жизни народов оседлых, привычного историка: *«Этой особенностям скифов, конечно, благоприятствует их земля...»*.

В настоящее время подобное междисциплинарное направление нередко именуют **геоэкологией**. К сожалению, трактовка и понимание данной науки и поныне далеко не всегда отличается четкими и – даже в среде специалистов – достаточно согласованными формулировками. Однако для нас наиболее привлекательным является тот ее аспект, что нацелен на изучение «пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества», если следовать некоторым определениям энциклопедического характера.

Поясним также, что мы вкладываем в понятие «культура». Этот термин будет встречаться на страницах нашей книги постоянно, и читатель должен знать, что его содержание весьма существенно отличается от той трактовки, которая преобладает, например, в современных средствах массовой информации. **Культура** – термин чрезвычайно емкий: под ним понимается способ существования некоего отдельного социума. Принятое здесь представление о культуре охватывает практически все аспекты повседневного бытия любого социального организма. *В эту структуру включается и социальное устройство общества, и характер материального производства, и технология его производств, и язык, а также господствующее в обществе мировоззрение или же система идеологических установок, равно как и характер выражения последних и т. д.*

Наиболее существенным, пожалуй, в этом ряду, – собственно, даже исходным, «первичным», определяющим – фактором бытия любой культуры служат, конечно же, методы или же технология добычи и производства пищи. В данной сфере, как правило, различают несколько генеральных технологических моделей: *собираТЕЛЬСТВО, охоту, рыболовство, земледелие и скотоводство*. Первые три модели обыкновенно объединяют в общее понятие «добыча пищи», а последние две, то есть земледелие и скотоводство, – в «производство пищи». Безусловно также, что добыча пищи являет собой наиболее архаичный комплекс технологий, по сути восходящий еще к животному миру. Производство пищи – это уже совершенно новый этап общественного развития. При этом наиболее важным и определяющим в данном аспекте являлось безусловное господство в конкретной культуре какой-то одной модели жизнеобеспечения или же их родственной комбинации; прочие модели, естественно, также могли иметь место, но по своему значению они являлись «спутниками» второго и даже третьего планов.

Так, скажем, в глухой западносибирской тайге в древности (да и не только в древности) оказывались практически нереальными занятия скотоводством или же земледелием. Природа здесь по преимуществу предоставляла человеку условия лишь для охоты и рыболовства. Земледелие же могло процветать лишь на тех землях, где имелись в наличии достаточно плодородные почвы вкупе с водными источниками. И наоборот, засушливая степь с ее резко континентальным климатом весьма мало пригодна для вызревания злаков и получения сколь-нибудь устойчивых урожаев. Эти регионы не только считались, но считаются и поныне – когда технологический уровень современных культур совершенно несопоставим с древним – зоной рискованного земледелия.

В «степном поясе» успехов можно было добиться лишь с помощью животноводства. Крупный и мелкий рогатый скот у степняков был в состоянии сам добывать себе пищу, даже

зимой. На долю человека, в основном, приходилась задача регулирования повседневной жизни стада, его численности, ухода за ним, перегонки стад на более обильные пастбища и т. п. При таких условиях животноводческая культура могла вполне успешно существовать и существовала за счет тесного симбиоза человека и одомашненных животных.

География моделей жизнеобеспечения

Теперь обратимся к публикуемой здесь карте Евразии (рис. В.1). На ней намечены границы между двумя основными группами моделей жизнеобеспечения, то есть культурами с доминированием добычи пищи, а также ее производством. Карта отражает картину, соответствующую примерно II тыс. до н. э., когда на пространствах Евразийского материка приближалась к своему финалу Эпоха Раннего Металла или же – при более четком определении – поздний бронзовый век. Приводимые на карте границы достаточно схематичны хотя бы по причине того, что территориальные рамки культурных сообществ с господством той или иной модели далеко не всегда предстают перед исследователем во вполне определенном и устойчивом виде. Нередко колебания и сдвиги разнородных культур при смене исторических эпох могли достигать заметных величин. Кроме того, не всегда надежными казались имеющиеся у нас сведения о господстве какой-то определенной модели жизнеобеспечения в ряде регионов континента.

Рис. В. 1. Ареалы основных геоэкологических зон Евразии и господствующих моделей жизнеобеспечения культур:

1 – лесная и тундровые зоны; ареалы культур собирателей, охотников и рыболовов; 1а – ареал культур оленеводов; 2 – Степной пояс (от Черного до Желтого морей); ареал кочевых и полукочевых скотоводства; 2а – земледельческие (оазисные) культуры в скотоводческих ареалах; 3 – зоны господства оседлых земледельческих культур; 3а – скотоводческие культуры в ареалах земледельческих культур; 4 – подгорные зоны; смешанный тип моделей жизнеобеспечения; 5 – высокогорные зоны; неопределенный (смешанный) тип моделей жизнеобеспечения

Общая площадь материковой суши Евразии близка к 52 млн. кв. км. Культуры, строившие стратегию своего жизнеобеспечения по преимуществу на «добыче пищи», оккупировали в конце бронзового века пространства до 15–17 млн. кв. км. (рис. В.1, 1, 1а). Культуры же с технологией «производства пищи» занимали территорию почти в два раза большую: примерно на 26–28 млн. кв. км. (рис. В.1, 2, 2а, 3, 3а). Прочие сообщества, строившие свое жизнеобеспечение на не вполне определенных моделях (высокогорные и прочие), распространялись по ареалам общей площадью до 4–6 млн. кв. км. (рис. В.1, 4, 5).

Наряду с этим наблюдались весьма примечательные вариации и отклонения от основных или же господствующих типов жизнеобеспечения. Например, среди культур, заселявших северные таежные и тундровые пространства Евразии, хорошо известны кочевые или полукочевые сообщества оленеводов. Последние в некоторых чертах повторяли ту модель кочевого скотоводства, что господствовала в собственно Степном поясе. Повтор в данном случае как бы усиливал свое звучание даже за счет сочетания скотоводства с охотой, к которой были столь привержены как степные, так и тундровые номады. Однако все прочие признаки сопоставляемых здесь культур разительно отличались.

Культуры степных кочевых скотоводов могли широко вклиниваться в зоны господства земледельческих культур, оккупируя те экологические ниши, что оказывались мало пригодными для выращивания культурных растений (об этом – мы помним – писал еще Рашид-ад-дин). И наоборот, земледельческие оазисы были нередко вкраплены в зоны господства номадов (рис. В.1, 2а, 3а).

Евразийский континент: членение по широте и долготе

Вновь обратимся к нашей карте (рис. В.1) и к феномену широтного распределения геоэкологических зон по Евразийскому материку и тесно связанных с ними совокупностей важнейших моделей жизнеобеспечения культур континента: с этих позиций публикуемая карта весьма показательна. На всей гигантской восьмидесятикилометровой протяженности границ пастушеские культуры Степного пояса весьма жестко изолировали более северные лесные культуры с архаичными моделями «добычи пищи» от развитых земледельческих культур или же цивилизаций южной зоны континента. Население лесной и даже тундровой зон являло собой едва ли не вечный и зависимый от степняков тыл. Сравнительно ощутимые контакты между оседлыми земледельческими народами и лесными популяциями становились возможными, кажется, лишь на крайних – восточном и западном – флангах Степного пояса. На западе то был ареал Балтики и Фенно-Скандии; на востоке – Маньчжурии и российского Приморья.

В той позиции, каковой предстает долготное распределение ареалов важнейших моделей жизнеобеспечения в исторической реальности (рис. В.1), собственно Европейский материк оказывается очень похожим на огромный, крайне западный, с крайне причудливой линией морских и океанских рубежей полуостров. Пожалуй, его хочется назвать даже Европейским мега-полуостровом или же – что точнее – субконтинентом, как бы прикрепленным с востока к неохватному массиву Евразийского континента. Гранью его «спайки» с базовым телом материка служит линия между Балтийским и Черным морями (здесь, конечно же, приходит на ум старинный и столь знаменитый путь *«из варяг в греки»*). Та же часть Европы, которая по традиции именуется Восточной, по всей видимости, никак не вычленяется – и вряд ли должна вычленяться – из своего евразийского тела. В любом случае, водораздельный рубеж между Балтикой и Причерноморьем представляется намного более логичным с точки зрения и географической, и геоэкологической, нежели традиционная – по Уральским горам и реке Уралу, а также по крайне расплывчатой Маньчжурской впадине – граница. Подмеченная особенность кажется весьма существенной, и мы не раз вспомним о ней далее уже при обсуждении различного рода взаимосвязей между культурами Запада и Востока.

Геоэкология Степного пояса

Поскольку наше основное внимание будет сосредоточено на культурах Великого Степного пояса Евразии, следует более детально ознакомиться с геоэкологическими характеристиками данного пояса и важнейшими деталями его структуры.

Степной пояс Евразии протянулся от Черного моря на западе вплоть до Желтого моря на Дальнем Востоке. Его тотальная протяженность с запада на восток близка, как уже говорилось, к восьми тысячам километров, а общий территориальный охват достигает также восьми, но уже миллионов квадратных километров. Его основными, базовыми чертами служат прежде всего ландшафтно-экологические признаки: 1) отсутствие или же явно подчиненная доля лесного покрова при полном господстве покрова травянистого; 2) континентальный или же резко континентальный аридный (засушливый) климат с жарким летом и морозной зимой; 3) простираение по умеренным широтам Евразийского материка.

Понятие «Степной пояс» должно восприниматься как относительно условное: по существу, перед нами весьма сложный экологический феномен. Важнейшей причиной принятого здесь наименования послужило то, что протяженная степная полоса в этом поясе занимает центральную, как бы осевую линию. Сама степь на всем необъятном широтном протяжении предстает перед наблюдателем в облике весьма и весьма разнообразном. Такой вывод вполне очевиден не только в процессе сопоставления основных элементов растительного покрова, но, пожалуй, различия бросаются в глаза еще более выпукло даже при простом наблюдении за геоморфологическими особенностями различных регионов. Степь может открывать себя либо в виде абсолютно плоской равнины, подобной, скажем, пейзажам Северного Прикаспия; или же мы попадаем в степь горную, характерную, например, для огромного монгольского ареала. По всей видимости, именно эта разноликость явилась причиной неожиданного множества определений – что же такое степь?

С севера к степям в большинстве регионов примыкает обширная полоса лесостепей. Уже из самого определения следует, что в лесостепи заметно нарастает доля древесного покрова. Проводить же между степью и лесостепью отчетливо выраженную и четко маркированную границу практически не реально, – столь туманна она и неопределенна. Аналогичный вывод следует и в отношении южных приграничных полос Степного пояса. Здесь в ряде регионов – от Северного Каспия вплоть до восточного фланга всей полосы – к степи подступают полупустыни и пустыни. Границы между степью и полупустыней также выглядят крайне размытыми. Столь же расплывчаты и туманны критерии различий между полупустыней и пустыней.

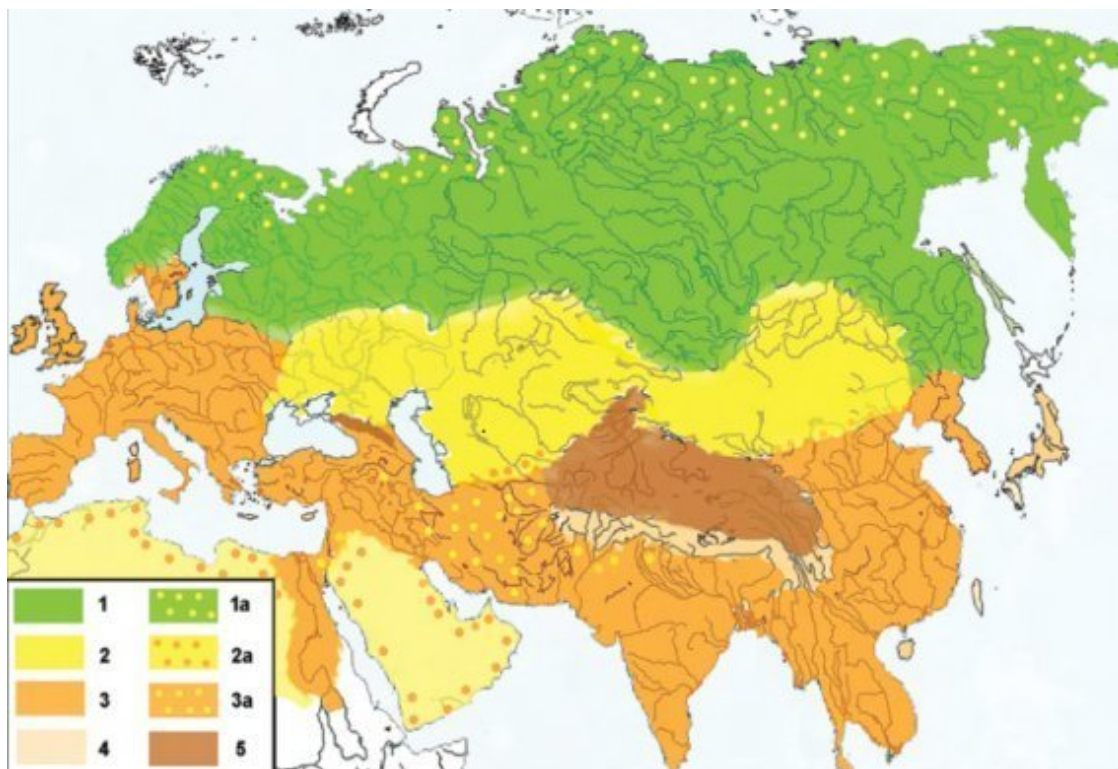

Рис. В. 2. Восточный ареал Степного пояса и Джунгарские ворота

Контуры основных ареалов охвата Степного пояса «правильными» очертаниям отнюдь не отличаются. Даже беглый взгляд на карты (рис. В.1 и В.2) позволяет различить в самом поясе как бы две «половины» – западную (или западноевразийскую) и восточную (или восточноевразийскую). Граница между ними выражена весьма четко и вряд ли может быть подвергнута сомнению: это знаменитые Джунгарские ворота. Их отражение на карте (рис. В.2) предстает в виде резко суженного перехвата, своеобразного «гирла» (об этих воротах более детально мы поведем речь ниже). Территориальные охваты обеих частей примерно равны: в пределах 3,8–4,2 млн. кв. км. Восточноевразийская «половина» предстает более однородной по овалному контуру абриса ее пространственного охвата (исключая юго-западный «отросток» пустыни Такла-Макан). В западноевразийской же «половине» также заметен, – хотя и далеко не столь явно, – некий раздел между восточноевропейской частью, а также западноазиатским регионом (рис. В.2). Последняя по площади существенно превосходит восточноевропейскую (1,5 против 2,5 млн. кв. км.), а их граница маркирована своеобразной «перемычкой» между отрогами Южного Урала, а также Мугоджарами, вплоть до северных берегов Каспийского моря.

Западноевразийская половина пояса и ее границы

Край западной зоны Степного пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, заходит в Крым, потом по периметру огибает море Азовское. Морские границы сменяются мощным и трудно преодолимым валом Главного Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который и служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного пояса. К юго-восточному побережью этого огромного и в древности называемого Хвалынским моря-озера близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с мощностью Кавказа, однако и здесь граница между захватывающим пустыню Каракумы Степным поясом и более южными регионами, с зелеными оазисами Иранских нагорий, также выглядит вполне определенной (рис. В.5).

Вслед за Копетдагом – и опять-таки с юга – Степной пояс резко ограничивают трудно преодолимые громады горной системы Памиро-Тяньпаня. Их запутанные хребты и высокогорья внезапно разворачиваются и резко «ныряют» к югу, к Гиндукушу. Затем, затейливым кольцом огибая обширную пустыню Такла-Макан, горные цепи Куэньлуня и Алтынтага почти без заметных прогибов сливаются с Тибетом и Гималаями.

Полезно будет подчеркнуть еще раз, что западноевразийской части Степного пояса присущи весьма четко выраженные южные границы. Последние определены либо морскими побережьями, либо протяженными громадами молодых горных хребтов, которые в геологической науке обычно именуют Альпийско-Гималайским подвижным поясом. В противоположность южным границам пояса, границы северные – в его западном ареале – весьма расплывчаты и проходят (за исключением неширокой полосы Урала) по четко выраженным низменным областям. Сами же эти грани должны как будто уже по основному определению быть связанными с кромкой лесной (таежной) полосы Евразии. Однако и в этом случае различия между лесостепью и лесом по всему их протяженному фронту выражены совсем не столь отчетливо в сравнении с южными окраинами западноевразийской половины Степного пояса.

Рис. В.3. Степи западного ареала пояса отличаются более спокойным рельефом, мягким климатом и растительным покровом (Южное Приуралье)

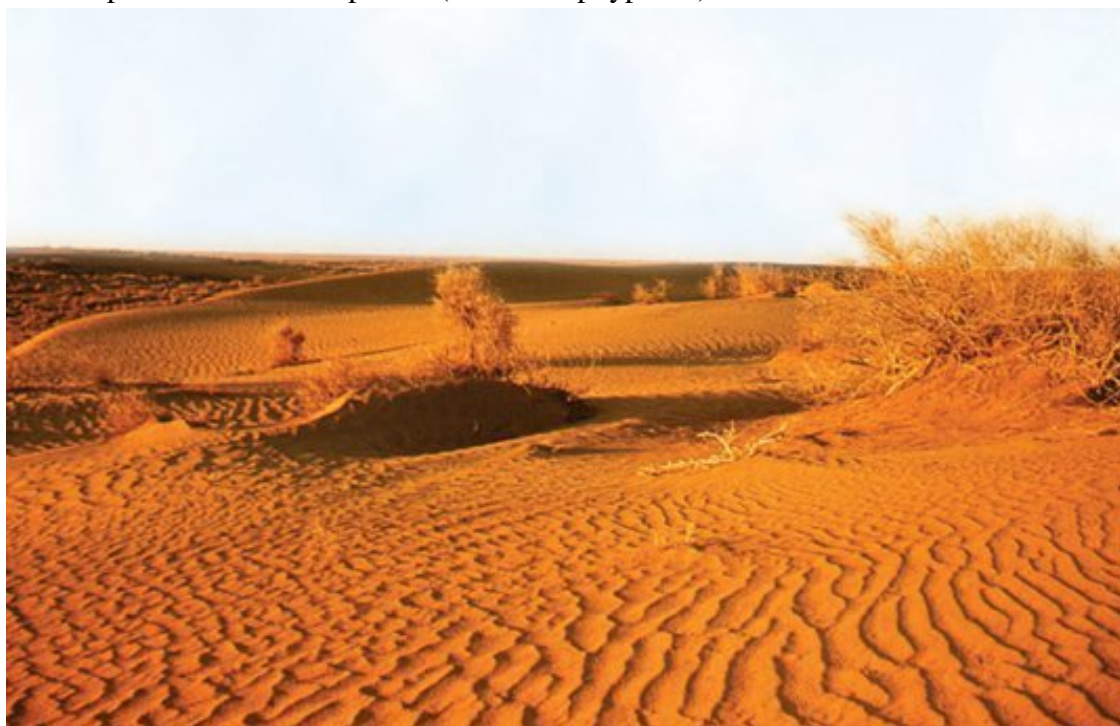

Рис. В.4. Каракумы. Барханы в этой пустыне встречаются не столь уж часто; преобладают солончаковые равнины

Рис. В. 5. Каракумы. Солончаковые равнины внезапно и резко прерываются гарными цепями Копетдага. Так очень жестко в этом ареале очерчивается южная грань Степного пояса

Горная монгольская степь и Джунгарские ворота

Повторим, что границей между западноазиатской и восточноевразийской половинами Степного пояса служили Джунгарские ворота. Сама Джунгария являла собой не что иное, как своеобразный и глубокий «прогиб», или же, согласно принятой в геологической науке терминологии, геосинклиналь, – с одной стороны, между молодыми складчатыми системами Альпийско-Гималайского подвижного пояса – Памиро-Тяньпанем, Гиндукушем и Гималаями (рис. В.2), а с другой, уже с гораздо более «старой» по своему геологическому возрасту горной системой Саяно-Алтая.

Рис. В.6. Степи восточного ареала отличаются от западных своим рельефом (горная степь Центральной Монголии)

Джунгарская геосинклиналь оказалась очень удобной для передвижений многочисленных групп кочевников вместе со своими стадами. Сам «прогиб» как бы разделял на две части невысокий хребет Тарбагатай. К западу от Тарбагатай путь кажется менее «комфортным», хотя он и выводил кочевников довольно близко к знаменитому озеру Балхаш. Более комфортным выглядел восточный проход. Здесь, прижимаясь к горам Алтая, по какому-то странному и мало объяснимому обстоятельству, уже в ареале весьма неприветливых горных джунгарских пустынь, зарождались истоки великой сибирской реки Иртыш (тамошнее наименование – Кара-Иртыш).

Немного севернее, уже параллельно лесистым склонам Русского Алтая, долина Иртыша и связанных с его долиной озер становилась намного более приветливой и желанной для скотоводов (рис. В.9). Отсюда, вдоль этой речной долины, начинался долгий, более чем четырехтысячекилометровый путь к необъятным пространствам Великой Западносибирской равнины.

Рис. В. 7. Климат в восточном ареале великого пояса намного более суров, нежели на западе. Центральная Монголия: снежный буран в степи в середине августа. Такая погода не столь уж редкостна в этом полупустынном регионе Центральной Азии

Рис. В.8. Джунгарские ворота; на заднем плане хребты Монгольского Алтая

Восточноевразийская часть гигантского Степного пояса весьма ощутимо отличается от западной. По существу, это уже горная степь (ср. рис. В.3 – В. 5 и В.6 – В. 14), и ее ландшафт в большинстве регионов совсем не сходен с тем, что характерен для областей, расположенных к западу от Джунгарских ворот. Резко континентальный характер климата выражен здесь гораздо более ощутимо, а почвы несравненно менее плодородны. И хотя в сравнении с западом восточная часть Степного пояса покрывает более южные широты, влияние севера здесь намного более ощутимо: ведь зона вечной мерзлоты опускается в этом регионе едва ли не до пустынных пространств Гоби (рис. В.7).

Рис. В. 9 Джунгарские ворота, лесистая долина Кара-Иртыша. Вдоль и близ этой долины проходил наиболее удобный для кочевников с их стадами путь, связывавший восток и запад Степного пояса [Google]

Рис. В. 10. К Джунгарским воротам с запада подступают трудно проходимые хребты Тянь-Шаня. Этот путь вряд ли был привлекательным для кочевников с их огромными стадами животных [Google]

Рис. В. 11. Горы, песчаные барханы и глинисто– солончаковые равнины между склонами хребтов (Монгольский Алтай)

Рис. В. 12. Южная Гоби с ее каменистыми холмами. Группа деревьев теснится к едва заметному источнику воды; здесь находился колодец разрушенного ламаистского монастыря

Рис. В. 13. Бесконечные гряды песчаных барханов негостеприимной пустыни Такла-Макан, котловина которой располагается юго-западнее Джунгарских ворот [Google, космическая съемка]. Средняя высота каждого из барханов близка к сотне метров, а некоторые гиганты возносятся даже до трех сотен. Каждый год ветер передвигает песчаные гряды со скоростью 150 м, угрожая существованию редких оазисов. Про эту пустыню молва гласит: «Войти-то в нее – войдешь, да не выйдешь!»

Рис. В. 14. Верблюд и пустыня неразлучны: без этого животного было бы почти нереально преодолевать сотни безводных километров. Верблюды у кочевников служили также и «пустынной кавалерией»

Важнейшим и, по существу, центровым ареалом восточной области являются, конечно же, огромные пространства Монголии, включая и Монголию Внутреннюю в рамках КНР. Генеральный пространственный охват данного центрального ареала огромен: он превышает два миллиона квадратных километров.

Резко меняется на востоке и характер главнейших – северных и южных – границ Степного пояса. Здесь, в отличие от западноевразийского ареала, в степные и даже пустынные регионы надвигаются и вклиниваются нависающие с севера лесистые отроги Саяно-Алтая (рис. В.9). Восточная грань этой могучей горной системы проходит по долине и бассейну устремляющейся к Байкалу Селенги. К востоку от нее путник должен уже передвигаться по «диким степям Забайкалья». Правда, забайкальский – не степной, а, в сущности, лесостепной – пейзаж мало походит на те, которые имелись в виду при обращении, скажем, к лесостепи Восточной Европы или же Западной Сибири.

Южная граница в Монгольской степи почти всегда являет собой обширнейшую пустыню или же Великую Гоби. Мы сталкиваемся здесь с холмистой, по преимуществу каменистой или же глинисто-солончаковой, либо песчаной и полностью безлесной равниной (рис. В. 11, В. 12, В. 14). Порой равнинный характер ландшафта нарушают следы весьма древних, разрушенных за сотни миллионов лет гор, перемежающиеся с песчаными барханами (рис. В. 12). Еще далее за пустыней высятся стены уже весьма могучих горных систем Куэньлуня, Алтынтага, формирующих северную грань истинной крыши мира – Тибета. Именно их отроги, по всей вероятности, и завершают южные рубежи Евразийского Степного пояса.

Восточный фланг всего Степного пояса охватывает пространства Маньчжурии и вплотную подходит к Желтому морю. На общем фоне сильных различий между обоими половинами Степного пояса примечательно, что крайний восточный рубеж приобретает здесь черты, до некоторой степени сходные с его абсолютно противоположным, крайним западным флангом, примыкающим к северо-западному побережью Черного моря и Нижнему Поду навью. А из Маньчжурии открывается для скотоводов Степного пояса выход на Великую Китайскую равнину, знаменитую колыбель китайской цивилизации, в бассейне нижнего течения Хуанхэ (Желтой реки), а также Янцзы. Здесь южная граница Степного пояса очерчивалась неповторимым в мировой практике рукотворным гигантом – Великой Китайской стеной (рис. В.2).

Аравийские пустынные нагорья

Степной пояс породил великое множество разнообразных скотоводческих – кочевых и полукочевых – культур, чья активность в большей или меньшей степени, прямо или косвенно отразилась на судьбах огромного большинства евразийских народов. Однако у Степного пояса в этом отношении имелся и своеобразный «конкурент» – Аравийский полуостров. Сам полуостров охватывает территорию около 2,8 млн. кв. км. Аравийские безводные нагорья плавно перетекают на севере в Сирийскую пустыню, занимавшую регион между Месопотамией и Палестиной. Общая площадь такого рода пустынных областей была не менее 3,0–3,2 млн. кв. км: в сравнении со Степным поясом пространства, конечно, не столь обширные, однако же, весьма внушительные.

Желтое и как бы изолированное от иных зон поле самого крупного из полуостровов Евразийского континента хорошо выделяется на карте (рис. В.1). Эти пустынные и чередующиеся с зелеными оазисами нагорья Аравии стали знаменитыми, пожалуй, еще с библейских времен.

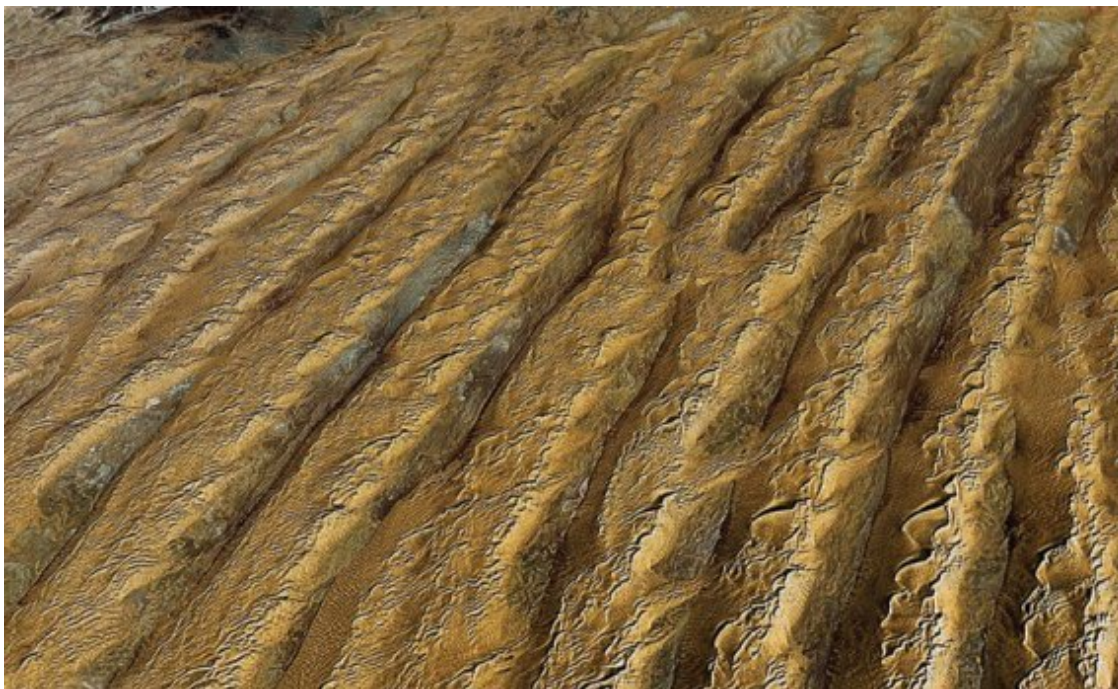

Рис. В. 15. Пустыня Южной Аравии с удивительно ровными и высоченными – никак не менее впечатляющими, нежели в Такла-Макан – грядами песчаных барханов. Во времена пророка Мухаммеда эти столь тяжкие пустынные пространства местные кочевники преодолевали на верблюдах [Google, космическая съемка]

Они отражены как в изустных преданиях и эпических сказаниях, так и в письменных свидетельствах. Именно здесь зиждились истоки ранних пастушеских культур семитоязычных народов – евреев и арабов (рис. В. 16). Синайский полуостров мог бы стать своеобразным дублем Джунгарских ворот Степного пояса, связующим в данном случае бедуинов Аравийских пустынь и обитателей африканской Сахары. Однако долина Нила и, прежде всего, ее дельта пресекали пути для регулярных связей.

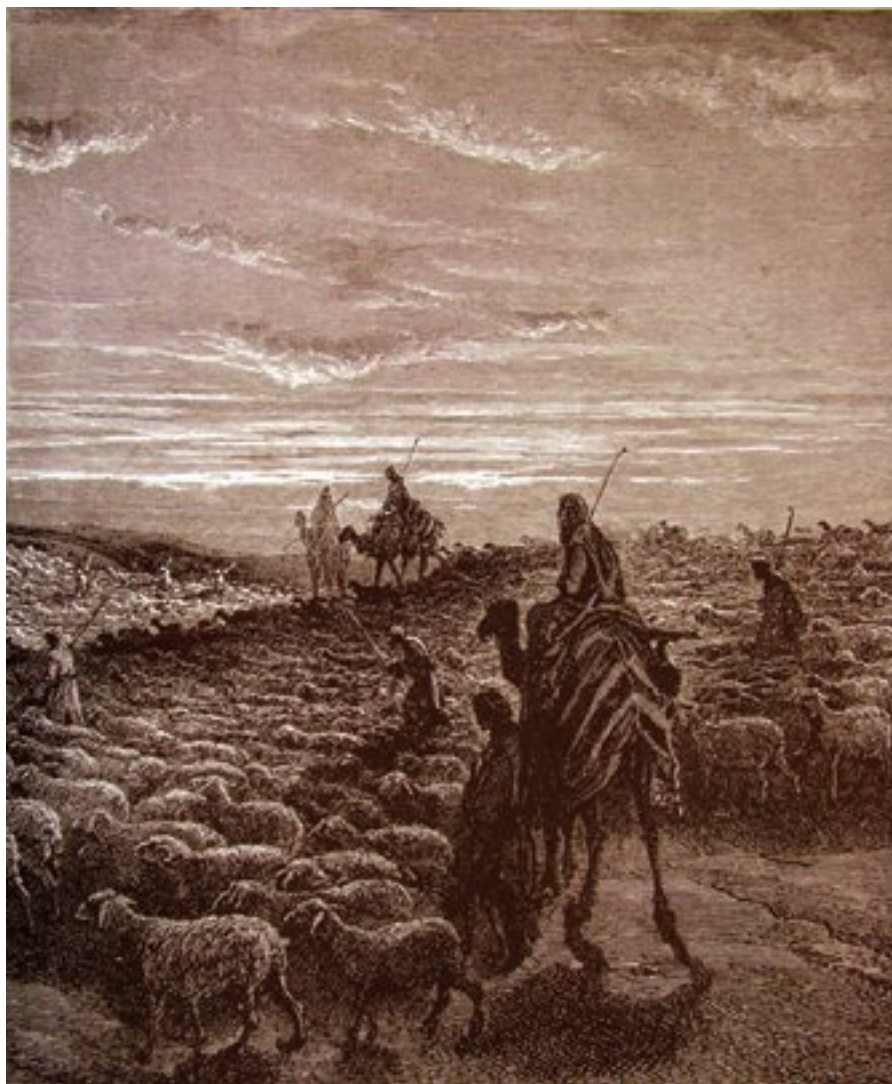

Рис. В.16. Перекочевка библейского Авраама со своими стадами в Ханаан; фрагмент гравюры Поставы Доре [Книги: 30–31]

Судьба в какой-то момент столкнет потомков аравийских выходцев с пришельцами из глубин Степного пояса, и это также станет одной из весьма ярких страниц евразийской истории; но об этом речь пойдет ниже.

Рис. В. 17. Однако и в наши дни в тех же «песчаных степях аравийской земли» бродят стада овец, с большим трудом находящие здесь жалкий корм [Google]

Однако их судьбы оказались весьма различными, и сравнение их представит для нас интерес особый. По этой причине автор даже решил начать с описания неожиданного для их соседей взлета культур аравийских кочевых и полукочевых племен: в таком случае, скорее всего, контраст сравнительной картины предстанет более ярким.

Степной пояс как домен

Степной пояс являлся истинным и едва ли не «вечным» доменом скотоводческих культур Евразии. Эти бескрайние просторы служили им не только колыбелью, но и тем родным домом, который мог надежно укрывать их от врагов, где можно было скрыться от противников, запутать их своими неверными и непривычными для них следами. Здесь нужна была совершенно иная стратегия пространственной ориентации, трудно постижимой для выходцев из иных экологических зон, из иных регионов, где господствовали несходные модели жизнеобеспечения...

Народы Степного пояса обрели свою истинную мощь лишь с того времени, когда им удалось не только одомашнить дикую степную лошадь, но и оседлать ее, приспособить под верховую езду. Ведь до появления всадников перекочевки пеших пастухов даже по открытым пространствам в огромном большинстве случаев лимитировались не только крайне невысокой скоростью передвижения стад крупного или же мелкого рогатого скота, но также и возможностями самого пешего пастуха направлять движение стада. Именно с момента появления в степи конников мобильность и скорость перемещения пастухов возросли необычайно, а боевое преимущество всадников над мало подвижными оседлыми земледельцами стало чрезвычайно осязаемым. Не подлежит сомнению, что эффект шаг за шагом нараставшего превосходства, в первую голову, проявил себя именно на равнинных просторах Степного пояса.

Доместикация верблюда и приручение этого животного под верх также привели к заметным переменам в том статусе, каковой приобрели скотоводы пустынных регионов (рис. В. 14). Благодаря его лучшей приспособляемости к условиям аридных областей, верблюда отличали немаловажные преимущества даже перед более скоростной и маневренной лошадей. Его способность обходиться длительное время без воды делала верблюда незаменимым выючным животным в тяжелых условиях пустынь и полупустынь. Верблюд совсем неплохо проявлял себя также в качестве верхового животного: во всяком случае, исход многих битв между отрядами множества племен, населявших нагорья Аравии, зависел от искусства воинов, поражавших врагов с высоты горбов этих животных.

Наконец, еще одно обстоятельство позволило степным народам резко усилить мощь своих воинских отрядов. Оно было напрямую связано с открытием металла и начавшимся изготовлением больших серий металлического оружия. Особое значение приобрели, безусловно, луки со стрелами. Наконечники стрел выделялись уже не из камня, но из меди, бронзы или железа. Такие изделия, конечно же, отличались от хрупких кремневых наконечников возросшей пробойной силой. Кроме того, мастер-кузнец или литейщик всегда старался придавать им форму – по сравнению с камнем – более устойчивую, стандартизованную и тем самым приспособленную для дальнего прицельного полета стрелы. Последнее играло громадную роль в ходе развития тактики конных стремительных сражений: именно в этом чаще всего и сказывалось непревзойденное искусство летучих степных ратей.

Кавалерия зародилась на пространствах Степного пояса уже на ранних этапах бронзового века. Довольно скоро вслед за этим стремительную лошадь сумели впрячь в легкую боевую колесницу, на которой кроме возницы помещался воин – стрелок из лука или носитель боевого копья либо меча. Конные отряды шаг за шагом приобретали все более и более значимый статус главной ударной силы едва ли не во всех армиях канувшего в прошлое мира. Однако все это было не так уж давно. Ведь процесс совершенствования стратегии конных войн продолжался вплоть до Нового времени. Даже в Первую мировую войну кавалерия продолжала играть заметную роль. А лихие «тачанки-ростовчанки» времен Гражданской войны – «наша гордость и краса!». Даже в самый канун Великой Отечественной войны, уже в 1940 году, наш советский и очень именитый поэт-песенник В. Лебедев-Кумач сочинил такие стихи:

И сбылось сталинское слово,
Как оно сбывается всегда,
Разбивала конница любого,
Не давала скрыться никуда.

Однако именно в эти же месяцы на полях начавшейся Второй мировой войны боевые конные подразделения устремились к своему трагичному финалу... Оставалось, пожалуй, единственное утешение – гордость своим долгим и славным прошлым. Ведь возраст кавалерийской истории-эпопеи насчитывал к этому времени не менее пяти тысячелетий.

Часть первая

Степной пояс: картины исторические

Пролог – 1

Звездный час и «лебединая песнь»

Как правило, историческое повествование о каком-либо явлении или же о культуре начинается с их самых ранних рубежей, с истоков. И это вполне понятно: лучше всего такого рода сюжет предстает в своей исторической динамике – от зарождения вплоть до финала. Однако порой разумнее бывает нарушить сложившийся столетиями почти канонический порядок в угоду более полному пониманию самого явления, особенно сложного. Именно в таком свете предстает перед нами многотысячелетняя и совсем непросто постигаемая история культур Степного пояса с ее головокружительными взлетами и падениями.

Иногда в подобных ситуациях для историка кажется резонным как бы перевернуть порядок событий и начать их изложение с конца: в таком случае перед читателем или слушателем суть явления может предстать существенно яснее. История степных кочевников представляется именно такой. Однако мы приступим к истории культур Степного пояса не с самых

последних их шагов, но с той ступени их бытия, что явилась одновременно и их «Звездным часом» и, пожалуй, прощальной «Лебединой песней».

Источники исторические и синдром Нарцисса

Базой для нас послужили, во-первых, источники исторические или же письменно-документальные, и, во-вторых, источники археологические или же скрытые в земле, но извлеченные на поверхность в итоге раскопок и изученные специалистами. Именно с опорой на них и становится возможным воссоздать истинное историческое полотно. Свойства таких источников, однако, весьма различны, хотя они зачастую повествуют или отражают историю одной и той же культуры, одного и того же общества.

Письменные источники по ряду аспектов могут быть весьма лживыми. Если изложение касается внутренней жизни того общества, где и создаются источники такого рода, то это очень нередко напоминает истинный панегирик самим себе. *Синдром Нарцисса* – а именно так мы определим такую черту менталитета – присущ любой человеческой культуре, и без постоянного самолюбования культура будет существовать лишь с большим трудом. Данный синдром по своей сути и является коронным фактором так называемой *национальной идеи или самоидентификации*, господствующие постулаты понимания мира той или иной культурой не могут и не должны вызывать сомнений у ее носителей. Если же синдром размывается, слабеет, а его базовые каноны разъедаются ржавчиной подозрений относительно ее истинного совершенства, то налицо явные признаки кризиса культуры.

Однако при оценках культур смежных, тем более враждебных, нота критическая, весьма часто презрительная и даже ненавистная, явно доминирует: деяния соседей неразумны и вредоносны; их верования и обряды смешны, нелепы, а для истинной веры оскорбительны; и вообще – лучше бы подобных соседей вообще не существовало. И тем не менее даже в такого рода насыщенных злобой и желчью документах для нас очень важны свидетельства об этнографических деталях обустройства жизни соседних народов, о характере их религиозных представлений, даже о внешнем облике людей и т. п. Особое значение, без сомнения, имеют данные о хронологии разного рода событий, сопряженные в этих документах, как правило, с упоминанием или описанием военных акций.

В огромном большинстве случаев кочевники-скотоводы своей письменности не имели. Почти все, что нам стало известным о них, извлечено из письменных документов «цивилизованных» оседлых соседей, чаще всего настроенных к ним крайне враждебно. Лишь в случаях полной, кабальной зависимости от степняков ненависть в текстах замещалась раболепной лестью, но от этого степень их фальши не снижалась. Только порой при непредвзятом цитировании высказываний вождей номадов в подобных документах возможно уловить истинный характер менталитета кочевников и их отношения к своим «цивилизованным» соседям.

Три волны кочевников

Мы затронем в первой части книги три волны кочевнических нашествий и завоеваний. Все они оказались в чем-то сходными между собой, а в чем-то весьма различными. Первая из волн, о которой пойдет речь в книге, – конечно же, не самая ранняя! – была связана с зарождением и стремительным развитием ярчайшей арабской исламской культуры, охватившей во второй половине VII и первой половине VIII столетий огромные регионы юго-западной Евразии и северной Африки.

Рис. Пр.1. Пророк Мухаммед поднимает с покрывала святыню святынь всех мусульман – Черный Камень, чтобы вставить его в восточную стену Каабы [Chronik: 237]

Эпицентр этой волны вызревал в среде кочевых и полукочевых племен Аравийских нагорий и пустынь. Арабское племя курейшитов явилось колыбелью великого пророка Мухаммеда. Как известно, с момента его бегства из Мекки в Медину в 622 году начинается летоисчисление мусульманского мира. По кончине пророка в 644 году провозглашенный им своим наследником халиф Омар объявил начало знаменитых арабских походов во имя истинного учения ислама. Вот оценка этого рывка недавних кочевников со стороны выдающегося германского исследователя истории ислама Августа Мюллера:

«...могучие волны арабских завоевателей, подобно громадному прибою, стали заливать соседние земли, с востока и запада. Сначала по повелению халифа была направлена с неудержимой силой первая волна: она залила Персию до Оксуса, Сирию, Месопотамию, Армению, некоторые части Малой Азии до самого Константинополя, Египет и северный берег Африки до Карфагена включительно» [Мюллер: 313].

С этого времени, пожалуй, начался также отсчет поистине легендарного и столь нервно обсуждаемого вплоть до сегодняшнего дня противостояния Востока и Запада, чему мы и уделим внимание в следующей главе.

Вторая волна была сопряжена с активизацией тюркоязычных скотоводов – кочевников, на сей раз уже выходцев из Степного пояса – из Кара-кумов, Хорезма, Бактрийско-Маргианского региона. С ярким колоритом и блеском ранней арабской волны ее вряд ли можно сравнить, однако менее чем за сто лет (конец X–XI вв.) принявшим ислам тюркам-огузам – а их наследники стали именоваться сельджуками – удалось покорить арабские халифаты юго-западной Азии и захватить в них властные высоты. С тех пор эти государственные объединения стали именоваться сельджукским султанатом. С ним и поведут яростную битву христиане в своих крестоносных походах. Легендарное противостояние Восток – Запад продолжится.

Без всякого сомнения, самой могучей и сокрушительной волной кочевнических ратей, сыгравшей роль своеобразного «девятого вала», стали монгольские завоевания XIII века. Ведь они накрыли едва ли не всю Евразию, исключая лишь намеченный нами во Введении «Европейский полуостров». С того времени наступило время не легендарного, но реального противостояния Востока и Запада. И если первые две волны предстанут в нашем изложении весьма скупко, то монгольскому «девятому валу» мы уделим многократно большее место.

И наконец, обратимся вновь к той причине, каковая побудила автора начать изложение долгой истории степных скотоводов с их «звездного часа» и «лебединой песни». Нашествия кочевников столь мощно потрясли Евразийский мир, что в самых разнообразных западных

источниках появилось огромное число упоминаний и описаний их культур: ведь тогда появился свежий взгляд на неведомо откуда возникшего свирепого врага. Китайские же цивилизации находились с кочевниками в постоянных сражениях с гораздо более ранних столетий, однако до западных людей эти слухи с далекого Востока практически не доходили. До того времени в христианском мире сведения о номадах были скупы, лапидарны и грешили массой нелепостей.

Для того чтобы понять реальную суть их культур, характер менталитета воинственных кочевников, автор и предпочел начать книгу хотя бы с краткой характеристики этих звездных периодов. При таком порядке представления материалов читателю станут гораздо более понятными и зримыми те важнейшие черты культур, что оказались скрытыми толщей столетий и отразились лишь в погребальных комплексах (и то не всегда!). У культур кочевых народов VII – XIII веков, а также тех, что относились к гораздо более древним периодам, не так уж трудно подметить множество общих для номадов черт, а это делает не столь безнадежным конструирование отдаленных по времени аналогий.

Культуры стремились к своему звездному часу, к своему апогею, и верное понимание процесса их восхождения к подобным вершинам кажется исключительно важным. Апогей – это кульминация развития культур, именно тогда они раскрывают свои самые яркие стороны. Однако не менее увлекательно вникать и в динамику их распада – либо медленного умирания, либо катастрофически бурного коллапса. Все это и отразилось чрезвычайно ярко на культурах и общностях Степного пояса Евразии.

Глава 1

Ислам и христианство: первые встречи

Покорение Иберийского полуострова

Впервые католики столкнулись напрямую с воинами Мухаммеда в июле 710 года. Тогда берберский вольноотпущенник и исламский неопит Абу Зур'а Тариф с пятью сотнями воинов пересек Гибралтар и вскоре вернулся с богатой добычей. Кстати, высадился он там, где на крайнем юге Испании и доныне расположен небольшой город его имени – Тарифа. И еще один связанный с этим событием любопытный сюжет: воинов Тарифа перевозили на кораблях византийского наместника и православного – «греческой веры» – (графа) Юлиана, что управлял этими крайне удаленными от Константинополя землями на северозападном мысу Африканского континента. Судя по всему, Юлиану не терпелось устроить чужими руками хотя бы невеликую гадость своим соседям – враждебным католикам-вестготам. Успех первого «посещения» Иберийского полуострова воодушевил другого, как думают, также берберского неопита Тарика ибн Зияда. Уже весной следующего года тот собрал войнство из семи тысяч своих соплеменников и пересек пролив на кораблях того же наместника Юлиана. Причем переброска воинов совершалась челночным методом, поскольку то ли «православный» юлианов флот был не слишком многочислен, то ли «граф» начал справедливо опасаться своих вновь обретенных коварных друзей.

Успех этой организованной на скорую руку экспедиции стал столь неожиданным и ошеломляющим, что скорее всего именно это породило впоследствии массу легенд и трудно проверяемых повествований. Во всяком случае, как Гибралтарский пролив, так и, прежде всего, знаменитая скала с военной базой, над которой донныне реет британский флаг, носит его имя (Гибралтар – это искаженное арабское «Джебель Тарик» или же «Гора Тарика»). Позорно проигравшие, а в данном случае ими оказались вестготы (средневековое изображение одного из воинов-вестготов можно видеть на этой странице), кажется, были просто обязаны рассказывать истинные небылицы о неисчислимой мощи врага. Наверное, именно такие объяснения вошли в католическую традицию и дожили до времен сложения «Песни о Роланде», когда нагнетался ужас от появления мавританского флота:

Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних ряях
Карбункулы и фонари алеют.
Залито море их светящим светом...
Флот Балигана не встает на отдых,
Из моря входит разом в пресноводье.

Минует и Марбризу и Марброзу,
По Эбро вверх плывет без остановки.

[Песнь о Роланде: 2630–2643]

Первая и, по сути, едва ли не все решающая битва началась 19 июля 711 года у реки Саладо (ее старинное название Вади Бека). По одной из версий сражение длилось восемь дней, а по другой – три, что больше походит на истину. Вестготы проиграли, но вряд ли кто мог предположить столь трагичный и почти молниеносный развал целого большого королевства. Куда-то совершенно исчез вестготский король Родерих, и его не могли сыскать. После этого до смешного малое войско Тарика устремилось на захват основных городов Иберийского полуострова, нацеливая свой бег на столицу в Толедо.

Рис. 1.1. Мусульманские воины. Западноевропейская миниатюра [Chronik: 283]

Успехи Тарика вызвали жгучую зависть и немалый гнев его непосредственного патрона Мусы, остававшегося в Африке. И уже летом следующего года ведомое Мусой воинство из 18 тысяч человек высадилось на европейском берегу. Теперь и его отряды победоносно двинулись на север, так что уже к осени 713 года они смогли узреть предгорья Пиренеев. На полуострове, в сущности, оставался едва ли не единственный неподвластный воинам Мухаммеда кусочек – горная Астурия и страна басков. Наверное, арабы позднее горько сожалели, что не отрядили в эту горную область больше сил, чтобы удушить последний очаг сопротивления. Ведь именно этот очаг вскоре даст старт столь знаменитой Реконкисте.

После короткого затишья мусульманские отряды вновь ринулись далее на север. Они перевалили Пиренеи и вторглись в страну франков. И здесь мы вновь вспоминаем строфы Роландовой поэмы, по всей вероятности, опять же содержащие явные преувеличения:

*Промолвил [франк] Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бои небывалый нынче предстоит...*

[Песнь о Роланде: 1039–1044]

Минуло еще 12 лет, и только под Пуатье – а это было уже по существу в самом сердце франкских владений – 4 октября 732 года войску Карла Мартела удалось остановить казавшийся неодолимым вал арабских приверженцев ислама. Только через 27 лет после победы при Пуатье Пипин Короткий – первый коронованный монарх из династии Каролингов – смог вытеснить арабов за Пиренеи. Тогда как будто и установилось некоторое затишье. Но почти сразу вслед за краткой передышкой потянулось время невообразимо долгого – почти восьми-сотлетнего – периода Реконксты. Эпизоды этих бесконечных и столь запутанных битв попали в знаменитую «Песню о Сиде», создание которой датируют XII столетием:

*Видели б вы, как там копьями колют,
Как щиты на куски разбивают с ходу,
Как с маху рубят прочные брони,
Как значки на копьях алеют от крови,
Как мчатся без всадников резвые кони!
Кличу «Аллах!» клич «Сант-Яго!» вторит,
Бой тем жесточе, чем длится дольше.
Уж пало мавров тринадцать сотен.*

.....
*На добром коне Сид навстречу скачет —
Борода густая, заломлена шапка.
Стальное предплечье, в деснице шпага.
К вассалам своим он громко взывает:
«Царю небесному, Господу слава!
В нелегкой битве мы верх одержали».
Вражеский лагерь грабят испанцы.*

.....
*В большом веселии все христиане.
Хоть в битве своей потеряли пятнадцать.
Золота и серебра им досталось*

*Столько, что все они ныне богаты.
Доволен каждый такой удачей.*

[Песнь о Сиде: 788-800а]

И все-таки как удивительно! – за пару-тройку лет утратить едва ли не весь Пиренейский полуостров, а потом почти восемь сотен лет отвоевывать его и изгонять оттуда мавров, вплоть до знакового 1492 года – столь памятного не только для Испании, но и для всего мира.

Так католическая Европа, по существу впервые, лицом к лицу столкнулась со своим оказавшимся с тех пор едва ли не извечным ее врагом – мусульманами. Любопытно, что в средневековой католической Европе постоянным лейтмотивом звучала уверенность, что самый жестокий и коварный враг едва ли не постоянно нависал над христианским миром с востока. И хотя эти враждебные силы объявились с доселе как будто сравнительно спокойного юга, все едино – его корни гнездились на враждебном Востоке. Кажется, что даже свирепые разбойные отряды норманнов тревожили католиков не столь мучительно.

Конечно, в католических государствах понимание целостного христианского мира было своеобразным. Восточные церкви после изгнания в 1054 году из православного Константинополя папских легатов в Римской курии вызвали вполне понятное и чрезвычайное раздражение. Великий церковный раскол привел к тому, что восточных «ортодоксов» позволяли, скорее всего, лишь терпеть. Братскими отношения между двумя родственными церквями с тех пор считать уже никак не приходилось. Однако мир Византийской империи еще ранее начал ощущать на себе весьма тяжкие удары исламских атак. От империи отпали области Малой Азии, а в 718 году арабское войско вместе с многочисленным флотом осадило даже имперскую столицу Константинополь. Однако долгая осада удачи арабам не принесла: император Лев Исаврийский проявил себя весьма способным военачальником. Арабский флот понес большие потери в результате успешного применения «греческого огня». Арабы от стен города откатились, а великий византийский град вплоть до 1453 года, то есть более чем на семьсот лет, сумел «продлить» свой столичный статус, пока его уже в последний раз не окружили и захватили воины османских мусульман-турок.

Католическая Европа готовится к отпору

К середине VIII века арабские владения покрыли поражающие своей громадой пространства: не менее 10–11 млн. кв. км! От Пенджаба вплоть до западных окраин Европы и Марокко в Африке и от среднеазиатских пустынь до Среднего Нила (рис. 1.2). И все это удалось совершить за сотню лет, если начать отсчет завоеваний от 632 г., когда Абу-Бакр – первый халиф и наследник пророка Мухаммеда – устремил вдохновенных вновь обретенной верой мусульманских воинов против западных и северных соседей – Сирии и Ирана. Противостоящий миру исламскому мир католический гнезился тогда на пространствах несопоставимо более скромных, не превышавших, кажется, даже одного миллиона кв. км. Общества, где господствовали христианские конфессии восточной ориентации – в Армении, Сирии, – во многом были очень быстро поглощены волной арабских нашествий.

Запад был поставлен перед необходимостью отстаивать свои идеалы, свою веру и свои земли, решительно противопоставляя себя столь ненавистному для него Востоку. Западная и Центральная Европа напрягала силы, стараясь усилить собственную мощь. К финалу X столетия территория королевств и княжеств, следующих католическим догмам, удвоилась. Возросла, конечно же, и их военная потенция. В 962 году была торжественно провозглашена Священная Римская империя и коронован ее первый германский монарх Оттон I (рис. 1.3). По мысли создателей, на плечи этой империи как бы ложилась трудная, но весьма почетная роль

стать продолжательницей всех славных дел и неколебимой мощи исчезнувшей полтысячелетия назад великой Римской империи.

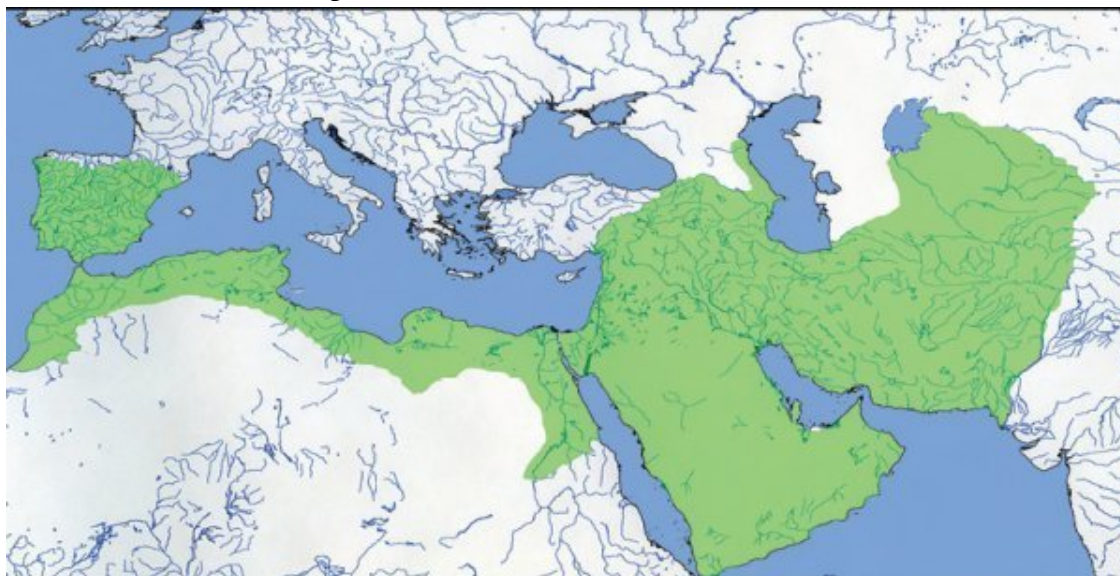

Рис. 1.2. Территория арабского халафата Омейядов к середине VIII столетия

Мусульманский же мир после едва ли не физического уничтожения в 750 году династии Омейядов и формирования халифата Аббасидов с IX столетия постепенно, но все сильнее попадал в тиски тяжелых кризисов. Ничего нового, конечно же, в такого рода «погружениях» не было. По своей сути принципиально сходная динамика развития сообществ, опьяненных успехами победителей, повторялась практически у всех. Их мир – надменный и гордый сокрушениями врага – раскалывался, погружался в те довольно обычные противоречия, которые оказывались густо приправленными жаждой власти правителей различных частей некогда единых социальных организмов. И лишь жестокие кровопролития могли хоть как-то привести к разрешению такого рода проблем.

Рис. 1.3. Огтон I – родоначальник Священной Римской империи. Скульптурное средне-вековое изображение на стене алтаря Магдебургского собора [Chronik: 269]

Помимо этого, в делах халифата с X века все более и более заметную роль начинают играть тюркоязычные, но уже втянутые в мир ислама племена огузов или сельджуков. Не так давно арабы видели в них лишь разбойные банды кочевников-скотоводов, скрывавшихся в моменты опасности в песках Каракумов и Кызылкумов. Время халифатов – по крайней мере, в их восточной половине – постепенно погружалось в вечность, сменой арабскому владычеству явился обширный сельджукский султанат (рис. 1.4).

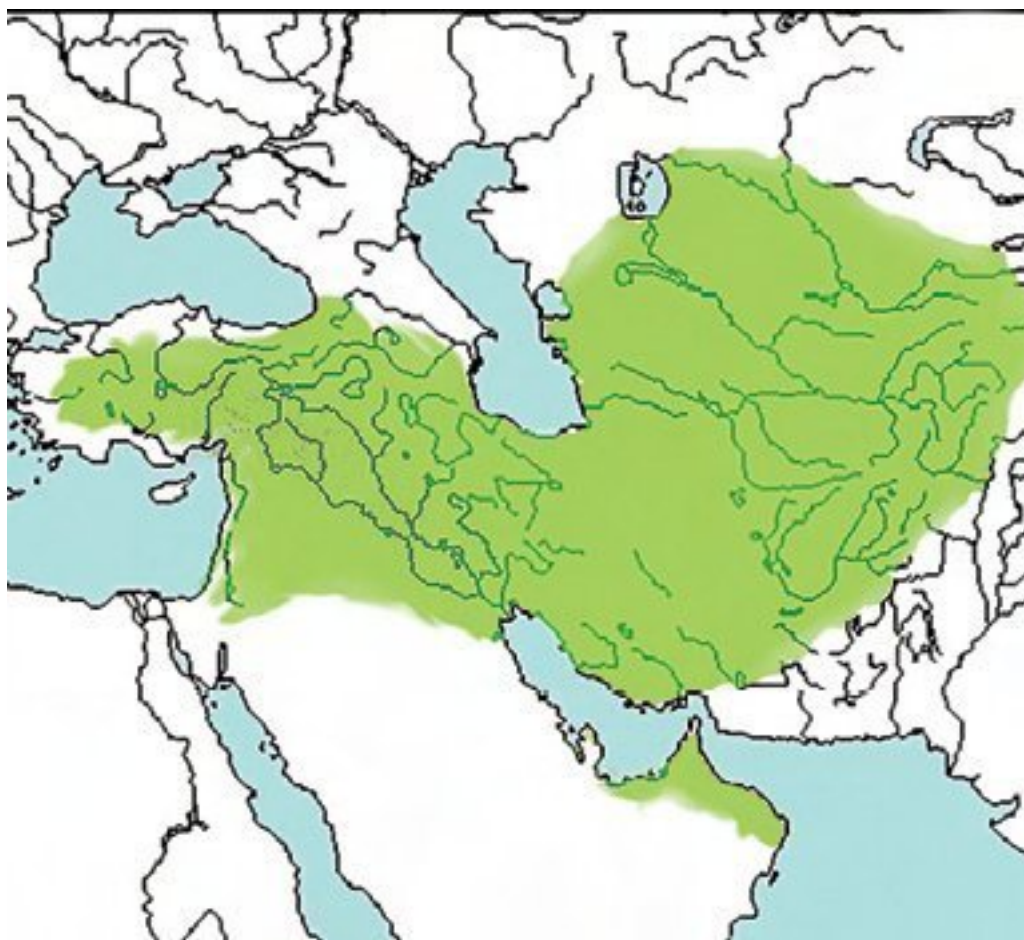

Рис. 1.4. Территория сельджукского султаната к началу крестовых походов

Истинным основателем державы сельджуков стал Тогрул-бек (Князь– сокол), начавший свои завоевания с севера, от пустынных Каракумов – родины этого племени тюркок-огузов. Примерно за два десятилетия XI века Тогрул-беку удалось завоевать Хорезм, Иран, Афганистан. В 1055 году он захватил Багдад, который в глазах многих арабов был центром или «пупом» Земли, подобным Иерусалиму у христиан. Успех завоеваний продолжил племянник Тогрул-бека Алп-Арслан (Отважный лев). При нем границы султаната укрепились уже на восточном берегу Средиземного моря. Тяжелые испытания пришлось и на долю Византийской империи, которая лишь с большим трудом, сдавая многие свои территории, сдерживала натиск тюркок-мусульман. В 1071 году в бою близ восточно-анатолийского озера Ван Алп-Арслан наголову разбил войско ромеев (византийцев) и пленил византийского императора Романа IV Диогена.

С тех пор на обширных пространствах юго-западной Азии власть прочно перешла к вождям тюркоязычных мусульманских народов. К концу XI столетия, то есть к началу знаменитых крестовых походов, в руках арабских властителей оставался лишь север Африки да юг Пиренейского полуострова в Европе. Стало быть, накапливающим силу и намеревающимся устремиться в решительные походы на Восток, в Святую землю европейским христианам противостоял в те поры мир также мусульманский, но уже не арабский, а тюркоязычный с сельджукскими султанами и эмирами.

Географические представления европейских властителей

Если в военном отношении силы противостоящих систем могли показаться более или менее равноценными, то интеллектуально-научный багаж разнился весьма впечатляюще. Арабские халифаты удивили, правда уже последующие поколения, не только стремительностью своих территориальных охватов. Обыкновенно и очень часто считали, что носители подобного рода завоеваний, к тому же совсем незадолго перед этим только-только вышедшие из «диковато-первобытного» состояния, фактически никогда не могут нести никакой привлекательной для иных народов – духовной или, тем более, интеллектуальной – нагрузки. Ведь и пророк Мухаммед происходил из совсем недавно полукочевого племени курейшитов. А вот как, например, представлял «сарацинов» Аммиан Марцеллин – историк впавшей в коллапс Римской империи еще за два или три столетия до зарождения ислама:

«Сарацины, которых нам лучше бы не иметь ни друзьями, ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь... У этих племен,... все люди без различия – воины. Полуголые, покрытые до бедер цветными плащами, на быстрых конях и легких верблюдах передвигаются они с места на место как во время мира, так и в пору военных тревог. Никто из них никогда не берется за плуг, не сажает деревьев, не ищет пропитания от обработки земли. Они постоянно кочуют на широких пространствах без дома, без определенного местожительства, без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом, не нравятся им никогда долго одно и то же пространство земли. Жизнь их проходит в вечном передвижении. Жен они берут себе за плату по договору на время; а чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копье и палатку; по желанию она может уйти после определенного срока... Они проводят всю жизнь в столь далеких скитаниях, что женщина на одном месте выходит замуж, на другом рождает, а детей уводит с собой вдаль, не имея возможности никогда успокоиться. Пищей всем им служит мясо диких зверей, молоко, которое у них имеется в изобилии, а также различные травы и птицы, каких удастся поймать силком. Я сам видел многих из них, и им было совершенно неизвестно употребление хлеба и вина» [Марцеллин: 4, 1–5].

... Мне хочется, чтобы читатель вспомнил об этой характеристике позднее, когда он столкнется с очень сходными оценками кочевников в совершенно различных краях евразийского континента...

В случае с только что покинувшими свой привычный образ бытия арабскими народами все оказалось как бы вывернутым наизнанку. Духовно–мировоззренческий настрой носителей ранней исламской культуры оказался в состоянии поразительно быстро привлечь огромную массу крайне разнообразных народов со столь же разнохарактерными доисламскими верованиями, в корне несовместимыми с откровениями Корана. Именно это, пожалуй, в огромной степени определило стремительный темп распространения исламской культуры.

Развивали арабы едва ли не все античные науки чрезвычайно успешно. Не составит труда представить впечатляющий ряд поистине выдающихся и даже великих арабских ученых – светил математики, астрономии, медицины и многих иных направлений человеческой мысли. К примеру, арабский халиф Ма'мун (818–838 и.) побуждал интеллектуальную элиту своих подчиненных *«заниматься менее выгодным, чем медицина делом, не приносящим непосредственной пользы практическим нуждам двора, а именно математикой, астрономией и философией. Основано было властелином в Багдаде великое учреждение под названием «дом наук»; тут же помещалась библиотека и астрономическая обсерватория; все это... было сборным пунк-*

том для множества ученых,... начавших заливать арабскую почву потоком греческих познаний» [Мюллер: 719–720].

Чем, скажите не современная академия наук?

В отличие от арабов, отцы католического мира, намечавшие и формировавшие генеральные русла интеллектуальных устремлений западноевропейского мира, являли собой убогий контраст «сарацинам» фактически по всем мировоззренческим аспектам. Кажется, что именно они и представляли истинными варварами в сравнении с вновь зародившейся культурой.

Вполне вероятно, что наиболее полное представление об уровне западной науки возникает при обзоре ее кардинальных постулатов о географии тогдашнего мира. При сравнении географических понятий о нашей планете, широко распространенных в среде мыслителей античности, с теми, что спустя полтора тысячелетия получили неоспоримое господство в католическом мире, можно испытать подлинное изумление: регресс поистине удручает. Оказались, к примеру, безнадежно забытыми детальными историко– географическими описаниями Геродота (V в. до н. э.); полностью отвергались поражающие вплоть до наших дней своей точностью вычисления окружности нашей земли, проведенные Эратосфеном (III в. до н. э.); также была совершенно отринута и знаменитая система Альмагест – Клавдия Птолемея (II в.). Да и разве только это?

В христианском мире отныне абсолютно все знания должны были полностью опираться и исходить из соответствующих текстов Библии. Земля вновь «обрела» плоскую форму, а вовсе не шаровидную, как ранее учили ушедшие в небытие античные язычники. Плоский «блин» Земли оказывался окруженным со всех сторон водами мирового океана. Земля же, или ойкумена, делилась на три части: Европу, Африку и Азию. Последняя располагалась восточнее иных частей, а Африка привлекала тогдашних людей менее всего. В целом же весьма загадочная и таинственная Азия оказывалась колыбелью по крайней мере двух наиболее трепетных для тогдашнего христианина ценностей самого высшего статуса: здесь размещались как «Центр Мира», так и «Рай».

Центр мира совпадал с Иерусалимом (рис. 1.5), и это казалось вполне естественным, поскольку именно с этим почти неземным градом были связаны изначальные и важнейшие святыни христианского мира. Однако при этом даже в пределах Иерусалима некоторые пытались выявить тот «самый– самый» центр, или фактически уже истинный «пуп» земли. Так, к примеру, некий паломник Сэвульф, посетивший Святую Землю в 1102 и 1103 годах, сообщал о таком постижении: *«Прямо перед храмом Гроба Господня, за внешней стеной, недалеко от места, называемого Голгофой, существует место под названием Круг, которое сам наш Господь Иисус Христос обозначил и собственноручно измерил, объявив центром мира...»* [Райт, 234].

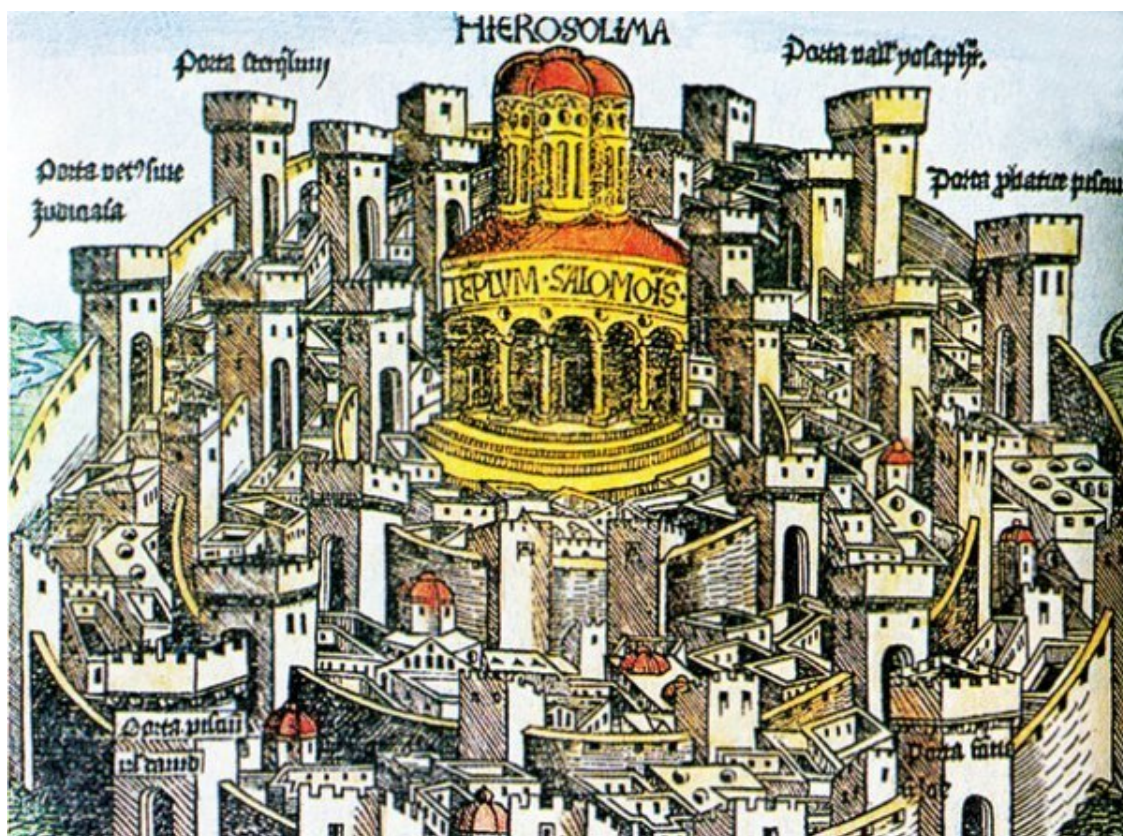

Рис. 1.5. Иерусалим – «пуп» Земли. Гравюра XV века [Chronik: 314]

Где-то очень далеко, в неведомых глубинах Азии цвели также и райские кущи, куда Господь поместил на заре существования сотворенного им мира тогда еще не успевших впасть в непростительный грех Адама и Еву. Место это, однако, точно локализовать не удавалось. Рай окружала или высокая стена, либо его ограждал от посторонних горный хребет, на котором нередко размещали фигуры Адама и Евы, а также змия-искусителя.

«Самое знаменитое место на Востоке – это рай – сад. Известный своими прелестями, куда человек не может проникнуть, так как он окружен огненной стеной, достигающей небес. Там находится древо жизни, дающее бессмертие, там находится источник, который разветвляется на четыре потока и снабжает весь мир водою», а «вокруг рая простирается дикая, бездорожная пустыня, населенная дикими зверями и гадами» [Райт: 235].

Но вот что при этом не может не удивлять: здесь же, именно в Азии – правда, опять таки вновь не уточнялось где – располагалось наиболее омерзительное и устрашающее место сего мира. То было обиталище человекоподобных Гога и Магога, которых в католической традиции относили к наиболее ужасным созданиям из всех сотворенных Господом. Вот какими словами характеризовались эти пугающие нормальных людей края в «*Imagines mundi*» (Образ мира), – компиляции, датированной около 1100 года:

«В Верхней Скифии, простирающейся от Каспийского моря до Серского (Китайского) океана, и к югу до Кавказа многие земли обитаемы, но имеется много и безлюдных земель; в них много золота и самоцветов, но из-за грифонов люди опасаются там появляться. Нижняя Скифия прилегает к Гиркани, называемой так из-за Гирканского леса, в котором живет чудесная птица со светящимся в темноте оперением. Ирания, или Иран, находится сразу к западу от Скифии; это область кочевников, которым из-за бесплодия почвы приходится много странствовать. Они ужасны и жестоки, пожирают человеческое мясо и пьют человеческую кровь» [Райт: 252].

Видимо, по подобного рода причине едва ли не все жуткие пророчества связывались в те времена с появлением в Судный день с севера Азии этих вызывающих содрогание тварей. На большинстве карт вместилище племен Гог и Магог изображалось окруженным высокими и неодолимыми стенами. По многочисленным вариантам подобного рода версий стены эти воздвигал когда-то сам Александр Македонский.

Древнееврейская традиция, согласно книге Бытия (10, 2), причисляла Магога к сынам Иафета, наделяя эту туманную и зловещую персону знаком прародителя скифских племен. Пророк Иезекииль (38, 2; 39, 1—13) насыщал свои речи мрачными предсказаниями о гибельных опустошениях и разрушениях, которые нахлынувший с севера со своими чудовищными ордами Гог из земли Магог навлечет смерть и разруху земле Израильской. Наконец, Иоанн в своих устрашающих откровениях [20, 7] предостерегал соплеменников:

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской».

В целом же большинство средневековых авторов вслед за господствовавшей еврейской традицией усматривало в Гоге и Магоге северных варваров— скифов.

Первыми деяниями, где оказались задействованными основные силы вновь «сформированной» Священной Римской империи стали знаменитейшие крестовые походы. Старт им прозвучал из уст римского первосвященника Урбана II всего через 33 года после коронации Оттона I. Активные взрывы направленной на восток агрессии католического разноперого воинства длились немногим более столетия, если, конечно, не принимать во внимание их позднейшие имитации, вроде крестового похода детей 1212 года или же иных сходных с ним. Прежде всего в четырех наиболее ярких и самых известных крестовых кампаниях европейский Запад должен был продемонстрировать свое очевидное превосходство над мусульманским Востоком.

Европа двинулась на Восток

Хотя раскол церквей уже произошел, устрешенный сельджуками византийский — «греческой веры» — император Алексей I Комнин весной 1095 года просит Римского Папу Урбана II поспешить на помощь грекам в их тяжелой борьбе с мусульманами. Понтифик соглашается, и уже в ноябре того же года — немедленно по окончании Клермонского собора — перед гигантской собравшейся для встречи с ним толпой он произносит свою сразу же вошедшую в исторические анналы пламенную проповедь:

«Народ франков...по положению земель своих и по вере католической, а также по почтению святой церкви выделяющийся среди всех народов; к вам обращается речь моя и к вам устремляется наше увещание ...От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие..., что народ персидского царства, иноземное племя, чуждое Богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим, вторгся в земли этих христиан, опустошил их мечом, грабежами, огнем..., а церкви Божьи либо срыл до основания, либо приспособил для обрядов своих... Кому выпадает труд отомстить за все это, вырвать у них, кому, как не вам, которых Бог превознес перед всеми силою оружия и величием духа, ловкостью и доблестью сокрушать головы врагов своих, которые вам противодействуют?... О могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков! Не вздумайте отрекаться от их славных доблестей, — напротив, припомните отвагу своих праотцев. И если вас удерживает нежная привязанность к детям, и родителям, и женам, поразмыслите снова над тем, что говорит Господь в Евангелии; «Кто оставит дома, или братьев, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»... Иерусалим — это пун земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил Искушитель рода чело-

веческого своим приходом, украсил ее деяниями, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град... ныне находится в полоне у врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа... Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам Бог, который живет и царствует во веки веков. Так хочет Бог! Аминь!» [Доманин: 384–387].

«Так хочет Бог!» – взревели вслед за призывом Папы тысячи его слушателей. И уже в следующем месяце началось формирование многочисленных отрядов христианских воинов. Так был дан старт первому крестовому походу.

С этого времени в европейской литературе и даже в нашем, уже нынешнем сознании, начали отстраиваться целые галереи легендарных властителей, вождей, героев как подлинных так и ложных. Первый – самый романтичный и успешный – крестовый поход. В ряду этих персон граф Раймунд Тулузский, герцог Роберт Нормандский, Готфрид Бульонский – грядущий монарх Иерусалимского королевства... Здесь и легенда Третьего похода – английский король Ричард Львиное Сердце, тот, который якобы одним ударом меча разрубал мусульманского всадника от головы до седла... И далее – граф Балдуин Фландрский, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса и многие, многие другие. Со стороны сарацин в подобной галерее почему-то оказался лишь один их прославленный полководец – Саладин (Салах ад-Дин).

Первый Святой поход уже с самого начала ознаменовался, однако, позорными деяниями. В какой-то странной торопливости существенно ранее рыцарских ополчений двинулись через Германию к Дунаю и через Венгрию к Константинополю неорганизованные и многочисленные толпы европейской голытьбы. Даже имена их вождей звучали символично: первый из них Петр Пустынник – нищий священник-харизматик; другой – также нищий, но уже рыцарь Вальтер Санс-Авуар, что по-французски означало «Голяк». Толпы эти стали даже именовать «Народным» крестовым походом.

Параллельно им двигавшийся вдоль Рейна отряд германских крестоносцев во главе с католическим священником Готшалком и графом Эмихом фон Лейнигеном свои первые «подвиги» обозначил погромами и грабежами еврейских общин в городах Трир и Кельн.

Рис. 1.6. Ричард Львиное сердце со своими приближенными на массовой казни мусульман в Аккре (конечно, может быть и мог английский король разрубить тело противника одним ударом от головы до седла, однако здесь он, кажется, испытывает удовольствие от рубки голов уже палачом). Средневековая миниатюра [Chronik: 305]

Очевидец этих погромов в Майнце монах-летописец Альберт из Экса сообщал:

«...Срывая засовы и выбивая двери, они врываются в дома, где убили до семисот человек, которые не могли оказать никакого сопротивления; кровавой резне подверглись женщины, малые дети независимо от пола, все были изрублены мечами. Евреи, видевшие, как вооруженные христиане безжалостно истребляют их беззащитных близких и детей, тоже взяли оружие и в отчаянии стали избивать своих единоверцев, вместе с женами, детьми, матерями и сестрами. Рассказывают страшные вещи: матери, взяв меч, сначала перерезали горло ребенку, а затем пронзали свою грудь, предпочитая погибнуть от собственной руки, чем от удара необрезанного» [Рид: 99].

Свершали это зачастую не какие-то недисциплинированные толпы бродяг: ведь даже высокопоставленные крестоносцы зачастую не желали видеть каких-либо различий между мусульманами и евреями. Зверства крестоносцев не ограничивались прирейнскими областями: такое происходило также в Шпейере, Вормсе, вплоть до Руана на западе и до Праги на востоке.

Голодные и полуодетые толпы «Народных крестоносцев» подкатились к Константинополю. Им, однако, нужно было чем-то питаться, и тогда вокруг стольного града вспыхнули необузданные грабежи. Весьма обязанный римскому Понтифику за полученное от него согласие на помощь император Алексей поторопился переправить всю эту бесполезную и опасную дикими инстинктами массу людей через Босфор, подставляя их тем самым под удар сельджуков. И действительно, уже 21 октября 1096 года фактически все «Народное» ополчение было истреблено мусульманскими воинскими отрядами...

...Вполне понятно, что задачей этой книги никак не может являться изложение истории противостояния христианского и исламского миров, а также крестовых походов. Наша цель состоит, прежде всего, в том, чтобы вспомнить вместе с читателем основные, наиболее важные вехи этой многовековой борьбы. Для того, – как автор надеется, – чтобы реально судьбоносное противостояние между Западом и тогда для европейцев еще совершенно неведомым истинным Востоком предстало перед нами гораздо более выпукло и отчетливо...

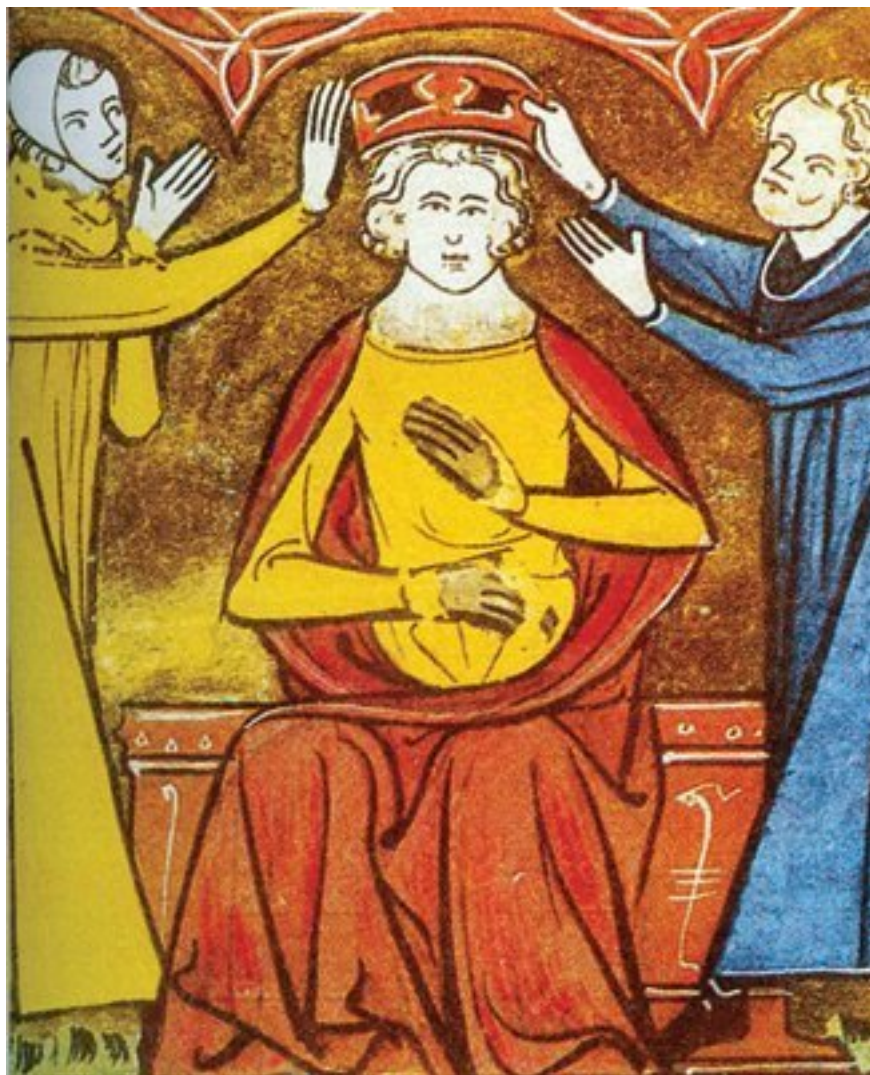

Рис. 1,7. Коронация Готфрида Бульонского в качестве первого монарха королевства крестоносцев – Болдуина I. Средневековая миниатюра. [Chronik: 291]

Итак, рыцарские соединения профессиональных европейских воинов подошли к стенам Иерусалима. Штурм города начался 13 июля 1099 года, и через два дня древний город пал. Резня потерпевших поражение мусульман была ужасной, и лишь немногим удалось сохранить свои жизни. Свирепостью этого побоища весьма гордились. Впечатляет уже само описание жуткого избиения мусульман, сопряженное с поклонением христианским святыням:

«В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, преследуя вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая (себе) дома, полные всякого добра. Потом, радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться Гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг (т. е. выполнить обет). На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; иные из них сами кидались с кровли вниз» [Доманин: 394].

Вспоминает участник этих событий духовник (!) графа Раймунда Тулузского тоже Раймунд, но Агильерский, когда на Храмовой горе Иерусалима он бродил по щиколотку в крови побежденных:

«По всем улицам и площадям, куда ни оберни взор, валялись груды отрубленных голов, рук и ног. Среди человеческих и лошадиных трупов как ни в чем не бывало разгуливали люди... Какое заслуженное наказание (для мусульман)! И то место, где долгие годы они предавались святотатству и оскверняли имя Бога, теперь покрыто кровью самих богохульников» [Рид: 109].

Еще раз повторим: слова эти принадлежали графскому духовнику!

Рис. 1.8. Штурм крестоносцами стен Константинополя в 1204 году. Картина Якопо Тинторетто, XVI век [Chronik: 307]

В том же году объявили о создании нового в тогдашнем мире королевства – Иерусалимского и коронации его первого монарха Болдуина I, бывшего до того Готфридом Бульонским (рис. 1.7). Началось торопливое сооружение христианских храмов. Однако не прошло и сотни лет, когда в 1187 году Салах ад-дин (Саладин) отбил город у крестоносцев и все церкви вновь приобрели облик мечетей.

Рис. 1.9. Фридрих II на троне. Средневековая миниатюра [Chronik: 308]

В разряд позорных можно, без сомнений, включить и четвертый крестовый поход. Тогда не дошедшие до Святой Земли крестоносцы в 1204 году штурмом овладели богатейшей столицей Византии – Константинополем и учинили там не только вселенский грабеж, но и резню (рис. 1.8). Тогда же были безвозвратно загублены многие неповторимые шедевры византийских творений. Да и после этого печально знаменитой трагедией 1212 года завершился постыдный «Детский крестовый поход» (рис. 1.10).

Рис. 1.10. Шестой крестовый поход детей; гравюра Гюстава Доре [Wikipedia]

Пожалуй, в чем-то необычным предстал в этом ряду так называемый шестой крестовый поход 1228–1229 годов. Правда, своим примечательным характером он был обязан, прежде всего, абсолютно нетипичной для средневековой Европы фигурой императора Фридриха II Гогенштауфена. Фридриху исполнилось 28 лет, когда в 1220 году римский папа Гонорий III возложил на него корону императора. Тогда он приобрел статус одновременного властителя сразу двух монархий: Священной Римской империи и королевства Сицилии. Почти немедленно после этого молодой монарх вместо традиционных священников и феодальных вассалов вводит в сицилийскую администрацию профессиональных юристов и открывает университет в Неаполе для подготовки новых управленческих и судебных кадров на основе древнеримского права. При коронации Папа благословил Фридриха быть вождем нового – тогда еще грядущего – шестого крестового похода. Однако сам «свежескоронованный» император вряд ли сильно трепетал за судьбу захваченного сарацинами Иерусалима. Своим победоносным походом он рассчитывал укрепить лидирующее положение в христианском мире. Фридрих, презирая хри-

стианскую добродетель смирения, явил себя приверженцем той концепции, что ниспущенная ему Богом императорская власть всеми корнями уходит к императорам Древнего Рима.

Удивительным образом различались оценки его личности. Один из очевидцев писал, что это был *«хитрый, жадный, эксцентричный, злобный и раздражительный человек. Но если требовалось проявить свои лучшие качества и предстать в более выгодном свете, он становился собранным, остроумным, приветливым и прилежным»* [Рид: 256].

Многие считали его законченным безбожником. Один просвещенный католический монах также полагал, что хотя в нем и не было ни капли истинной христианской веры, *«но если бы он действительно стал добрым католиком и возлюбил Бога и Христову церковь,...то ему не нашлось бы равных среди самодержцев всего мира»*. Говорят, что Фридрих даже высмеивал не только обряд причастия (*«Как долго будут продолжаться эти фокусы с хлебом?»*), но и непорочное зачатие Богородицы (*«Надо быть полным идиотом, чтобы поверить, будто Христа родила непорочная Дева Мария... никто не может родиться без предварительного соития мужчины и женщины»*). Говорили также, что император не выказывал уважения ни к Моисею, ни к Иисусу Христу, ни к пророку Мухаммеду, утверждая, что *«это самые выдающиеся мошенники и самозванцы на земле»* [Рид: 257–258].

Сменивший покладистого Гонория III новый Папа восьмидесятилетний Григорий IX нерушимо следовал важнейшим канонам католической веры и исполнял их. В августе 1227 года Фридрих отправляется в Святую землю возглавить Крестовый поход, но внезапно возвращается в Италию вроде бы по причине внезапной болезни. И в это время, почти немедленно, Григорий IX отлучает императора от церкви и предает его проклятию как безбожника и клятвопреступника. Согласитесь, что такого рода анафемы в истории могли иметь место не столь уж часто, тем более с такой суровой выразительностью.

Любопытным было поведение Фридриха и в Святой Земле уже после папского отлучения, на которое он старался не обращать особого внимания. У него сложились весьма странные, даже близкие контакты с формально противостоящим ему сельджукским султаном аль-Камилем. У очевидцев складывалось даже впечатление, что оба никак не желали вести войну друг с другом. Так, скажем, Фридрих просил султана просветить ученых мужей из своего христианского окружения по философским проблемам устройства природы Вселенной, о бессмертии души, поведать о логических построениях Аристотеля. Являясь братом великого Саладина, султан Аль-Камиль вовсе не отличался религиозным фанатизмом знаменитого родственника. Он едва ли не дружески относился к своему столь необычному западноевропейскому скептику-интеллектуалу и частенько посылал ему богохульные, с точки зрения папской курии, подарки. Иерусалимский патриарх Герольд доносил Папе Григорию IX:

«С прискорбием, как о величайшем позоре и бесчестии, вынуждены доложить вам, что султан, узнав о любви императора к сарацинским нравам и обычаям, прислал тому певцов, фокусников и жонглеров, о развратной репутации которых среди христиан даже упоминать не принято» [Рид: 264].

В 1229 году Фридрих и аль-Камиль заключили мирный договор, по которому Иерусалим вновь переходил в руки христиан. И здесь вновь происходит такого рода событие, которое с первого взгляда объяснить крайне сложно. Насквозь пропитанный ненавистью к Фридриху II неистовый и весьма престарелый Папа Григорий IX, по сути, отлучает от церкви истинный, уже с позиции важнейших христианских канонов, «пуп Земли» и центр ойкумены город Иерусалим! Он накладывает на него так называемый «*Interdictum*», то есть строгий запрет на проведение в храмах этого священного для христиан града любых церковных обрядов. Возможно ли было явить миру более абсурдную идею, венчающую эпоху крестовых походов и «очищения от мерзких язычников» Святой Земли и Гроба Господня?

* * *

Вполне очевидно, что длительное противостояние и многообразные контакты между христианским и исламским мирами претерпевали порой самые неожиданные метаморфозы. Однако уже надвинулось вплотную несравненно более драматичное время встречи Запада и того реального Востока, о котором тогда вряд ли подозревали даже самые образованные европейцы.

Глава 2

Монголы – Мусульмане – Христиане

Нежданные пришельцы

Кажется, что, в христианском мире наиболее ранним известием о появлении с востока до тех пор совершенно неведомых и беспощадных воителей явилась запись армянского историка Киракоса Гандзакеци, датированная, по всей видимости, 1222 годом:

*«Нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришли в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, – людей, скот и вплоть до собак даже – они предавали мечу... И распространилась о них ложная молва, будто они — **моги** и христиане по вере, будто творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто у них есть церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, затем оттуда войско берет корм для лошадей своих, и ячмень не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же»* [Юрченко, Аксенов: 32].

Не правда ли, любопытные и сплетающиеся в причудливой комбинации объяснения этого явления, притом с одновременной надеждой-ожиданием? А вдруг эта неистовая, всепожирающая, сметающая все на своем пути сила — «**моги**» — впервые зримая восточными христианами, послана свыше, дабы обрушить свой карающий огненный меч Господний на головы угнетателей мусульман? Армянские христиане тогда, скорее всего, и не подозревали, что их опалили лишь первые вспышки той кровавой эпопеи, что предстояло пережить многим народам Западной Евразии.

Скорбное свидетельство армянского летописца отразило молниеносный, по сути, лишь разведывательный рейд всего двух (!) монгольских туменов, ведомых Субутаем и Джебе. Смерчем пронесся этот рейд по неохватным пространствам Ирана, Кавказа и Восточной Европы и стал тем походом, что и по сей день поражает наше воображение стремительностью и фантастическими успехами (о деталях самого похода мы поговорим немного позднее).

Но вот еще одна трагичная жалоба новгородского летописца, вызванная тем же внезапным появлением в землях древнерусских князей летучих монгольских туменов:

«Том же лете по грехом нашим, придоша языци незнаемы, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их... Бог един весть, кто суть и отколе изидоша... мы же их не веемы, кто суть... и не веемы, откуда суть пришла, и где ся деши опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша...» [Юрченко, Аксенов: 33].

Строки эти явились отзвуком столь трагичной для русских княжеских отрядов знаменитой битвы при Калке 1223 года. Речка Калка очень далека от Новгорода, но существенно дальше от этого скорбного поля брани отстояла Западная Европа; однако весть о сражении на Калке быстро докатилась и туда. Так, Цезарий Гестербахский сообщал в своей хронике:

«В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унамский: нам неизвестно, что за народ, откуда идет и куда стремится» [Юрченко, Аксенов: 33].

Возвращение к 1206 году

Год этот давно и очень хорошо известен историкам. К тому времени Темучин (Темуджин), не так давно счастливо избежавший позорной и вечной участи колодника у вождя родственного народа тайчиутов Таргутая-Кирилтуха, сумел объединить и привлечь множество степных племен в свой ставший непобедимым комплот. Кого ему удалось принудить к этому, кого убедить в том, что он снискал бесконечную благодать самого Неба-Тэнгри. На необычайно представительном курултае вожди множества монгольских степных народов подняли Темучина на белом войлоке, тем самым признав его повелителем Земли (понятно, что той земли, о которой только и могли в то время ведать монголоязычные кочевники-скотоводы).

Рис. 2.1. Рождение Темучина (Чингис-хана); Оэлун – мать Темучина. Китайское изображение [Груссе: 96–97]

«Сокровенное Сказание» монголов так повествует об этом историческом событии:

«После того как Темучин направил на путь истинный живущие за войлочными стенами народы, в год Барса [1206] у истоков реки Онона собрался курултай. Воздвигли здесь девятибунчужное белое знамя и провозгласили Темучина Чингисханом... И тут же повелел Чин-

гис-хан выступить Джебe в поход и преследовать Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками девяносто и пять нойонов-тысячников...» [Сокровенное сказание: 202]. Затем новый властитель начал раздачу подарков и различных постов своим сподвижникам и родственникам, учреждая тем самым также и высшие должности во вновь создаваемом им «много-народном государстве».

Один из названных братьев Чингиса, например, вопрошал: «Скажи, какую же награду пожалеешь ты мне?» На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» – сказал он и продолжал. «Когда же с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать государство множества народов, будь ты моим зорким оком и моим чутким ухом! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переименовывать твоего определения!» Кроме того он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом, указав при этом: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти – предавай смерти, повинных наказанию или штрафу – наказывай». Да не подлежит никакому изменению на вечные времена то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связки книг с синим письмом по белой бумаге» [Сокровенное сказание: 203].

Рис. 2.2. Чингис-хан всадник. Китайское изображение [Груссе: 96–97]

В такой манере определял Чингис-хан ключевые позиции каждого из своих соратников в грядущих битвах за мировое господство. А еще он так заключил свои важнейшие указы:

«В прежние времена моя гвардия состояла из 80 кебтеулсунов [ночных стражников] и 70 турхах-кешиктенов [дневных стражников]. Ныне, когда я, будучи возвеличен пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи возвеличен силами небес и земли, когда направил я на путь истины всеязычное государство и принял народы в единые бразды свои, ныне и вы учредите для меня сменную гвардию – кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора из всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы [десяти тысяч]» [Сокровенное сказание: 224].

В «Сокровенном сказании» нашлись также слова и о будущих легендарных монгольских полководцах Джебе (Чжебе) и Субутая (Субеетая): *«Пусть равно также и Чжебе с Субеетаям начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали своими собственными трудами»* [Сокровенное сказание: 221]. (В 1206 году они, видимо, были лишь тысячниками).

Джебе когда-то пребывал в стане особо ненавистных врагов Темучина – у тайчиутов, о чем Чингис помнил всегда, но простил его:

«Помнишь, Джебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Джебе–Пикой!» [Сокровенное сказание: 257].

Субутай же всегда служил ему верой и правдой. Вот клятва верности, которую произносил грядущий и неповторимый в своей удаче полководец монголов еще до этого знаменательного курултая, вероятно, тремя годами ранее:

«Для тебя обернусь я мышкой, буду все в дом собирать и запасать. Обернусь черным вороном; все, что под руку попадет, буду в дом тащить. Обернусь я теплой попоной, буду тело твоё согревать. Обернусь я кошмою, буду юрту твою покрывать» [Сокровенное сказание: 124].

Рис. 2.3. Борте – любимая жена Чингис-хана. Китайское изображение [Груссе: 96–97]

Год 1206 завершал процесс подчинения Чингис-ханом всей централь–ноазиатской «колыбели» монголов. Восточная (маньчжурская) часть этой обширной страны была покорена несколько ранее. И, кажется, около 1203 года Чингис-хан – тогда еще Темучин – прошел через обряд первой и, конечно, еще не столь торжественной интронизации; тогда и принес ему свою клятву Субутай-баатур. После провозглашения Темучина Чингисханом основные силы монгольской конницы устремились на запад, где кочевали или же вели полукочевой образ жизни многие и уже преимущественно тюркоязычные народы. Монголы в 1209 г. одолели уйгуров, до тех пор доминировавших в Восточном Туркестане, а в 1211 г. – уже в северной части Семиречья – народ карлуков. В том же году началась самая серьезная для Чингис-хана и его потомков долгая война с китайскими государствами. Именно на юго-восток и перебросил вскоре свои основные силы властитель. Северным Китаем при династии Цзинь в то время управляли чжурчжэни, – народ маньчжурского происхождения. Здесь монголам также сопутствовала удача, и в 1215 г. их воины победителями вошли в Пекин.

Рис. 2.4. Субутай – выдающийся монгольский полководец. Китайское изображение [Груссе: 96–97]

Сразу же после этих торжеств стремительные монгольские конные рати вновь появляются на западе – в Семиречье и Средней Азии. Там в 1216 году отряды Чингиса столкнулись с войском хорезмшаха Ала ад дин Мухаммада. Тот момент явился своеобразной прелюдией перед встречей двух гигантских миров – зарождающегося монгольского и уже давно повергнутого в тяжкие кризисы междоусобиц мира исламского. Ведь именно в эти годы хорезмшах вступил в рискованный кровопролитный спор с багдадским халифом за лидерство в мире ислама. Его битвы с монголами в последующее трехлетие описаны сравнительно скупыми строками «Сокровенного сказания»:

«Вслед за тем, в год Зайца [1219], Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаултский [хорезмийский] народ... Чжебе (Джебе) был послан во главе передового отряда, вслед за ним – отряд Субеетая, а за Субеетаем – отряд Тохучара. Отправляя трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана [Хорезмшаха], так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и С. убеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан– Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик [Хорезмшах] открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном [сыном Хорезмшаха]. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингисхану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и ... нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаултцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин» [Сокровенное сказание: 257].

Рис. 2.5. Монгольский воин-всадник. Китайская миниатюра [Chronik: 315]

Столь быстротечный разгром казавшейся доселе неколебимой державы мирового уровня потряс тогдашний мир. Результат казался крайне удручающим: несчастный и покинутый всеми хорезмшах Мухаммад закончил свою жизнь, как гласит легенда, среди прокаженных на каком-то неизвестном островке Каспийского моря. Его сын Джелаль ад-дин исчез среди Иранских нагорий, быстро двигаясь куда-то в западном направлении и стараясь с остатками своего войска оторваться от безостановочно преследовавших его чингисовых всадников. Вслед за ним – отчасти для поимки строптивого отпрыска несчастного хорезмийского правителя, но главным образом, кажется, для дальней стратегической разведки – Чингис-хан отрядил два тумена Субутая и Чжебе. Судя по всему, Субутая отводилась главная роль в этом поразительном походе:

«А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов – Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил к поход Субеетай– Баатура» [Сокровенное сказание: 262].

В этих смутных строках обширной программы угадываются похожие наименования: Идил (Итиль) – это Волга, а Кивамен-кермен – Киев.

От Самарканда до Калки и назад до Монголии

Различные письменные источники позволяют относить начало движения двух туменов Субутая и Джебе, по всей видимости, к самому началу 1222 года. Вообще-то, все это быстро задуманное предприятие может представляться некой поразительной ирреальностью. Прежде

всего, в великое смущение повергает сама постановка задачи невообразимой сложности всего лишь перед двадцатитысячным(!) отрядом: дойти до неведомых им «*одиннадцати стран и народов*». Но, пожалуй, еще более поражает, что в конечном итоге эта задача оказалась успешно выполненной, притом в фантастически короткий срок. Современников этих событий, и в особенности персидских историков, все произошедшее воистину потрясало.

Рис. 2.6. Хасар – брат Чингис-хана. Китайское изображение [Груссе: 96–97]

Мухаммад ан-Насави, 1242 год: «[Люди] стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы [какая-то] орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Абваба [Дербента], а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она

возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашины страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это менее чем за два года!» [Юрченко: 182].

Рашид ад-дин, 1306 год: «Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу».

О тактике монголов в этом походе-гонке за хорезмшахом писал Джувайни, 1260 год: «Когда султан Мухаммад проезжал через Хорасан, Джебе и Субутай преследовали его в великой спешке со скоростью огня; они были подобны смерчу, и путь их армии пролегал через большую часть Хорасана... И когда они приближались к какой-либо провинции, попадавшейся им на пути, они посылали к ее жителям гонцов, возвещавших о появлении Чингисхана и предупреждавших их о том, что лучше им воздержаться от войны и вражды и не отказываться признать свою покорность, и обрушивавших на них угрозы. И когда люди решали покориться, они [монголы] ставили у них *шихне*, выдавали ему *алу* *тамгу* и удалялись. Но если жители отказывались подчиниться и покориться и если на это место легко было напасть без промедления и взять его, они не знали жалости, и захватывали город, и убивали его обитателей» [Юрченко: 168].

В том же 1222 году монгольские воины, кажется, впервые увидели увенчанные крестами каменные храмы Армении и Грузии. Тогда их победы коснулись лишь восточной периферии христианского мира. Для зимнего отдыха отряды завоевателей вернулись к удобствам оазисов центрального Ирана, но уже в следующем 1223 году конные соединения вновь помчались на север. В Закавказье монголы вторично нанесли поражение своим христианским противникам. Вдоль Каспия через Дербентские ворота, оставив наконец у себя за спиной неприветливые для них горы, тумены монгольских полководцев ступили, наконец, в столь привычный и желанный их глазу и телу степной простор. Здесь против них также не смогли устоять обитатели прикаспийских и северокавказских равнин. Обогнув с востока и севера Азовское море, они коротке «посетили» степной Крым. В степях же они сокрушили отряды половцев – своих «собратьев» по кочевому образу жизни. Половецкие вожди помчались на запад к Днепру, упрашивать русских князей выступить совместно против этого неведомого им врага.

Вслед за уходящими и разрозненными силами половцев монголы придвинулись к берегам нижнего Днепра, где и произошли первые стычки с воинством русских князей. Близ Днепра и наметились черты своеобразной прелюдии столь трагичной для Древней Руси битвы при невзрачной речонке Калке близ Азовского побережья. Сама драма разыгралась в конце мая и в начале июня 1223 года.

К примеру, в изложении Рашид ад-дина события выглядели так:

«Монголы напали на страну урусов и находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей» [Рашид-ад-дин II: 229].

Выполнив фактически все заветы Чингис-хана Субутай и Джебе повернули свои тумены к основным силам монголов, остававшимся до тех пор в Средней Азии. К 1225 году все Чингизово воинство, нагруженное невиданными по богатству трофеями, вернулось в родные края.

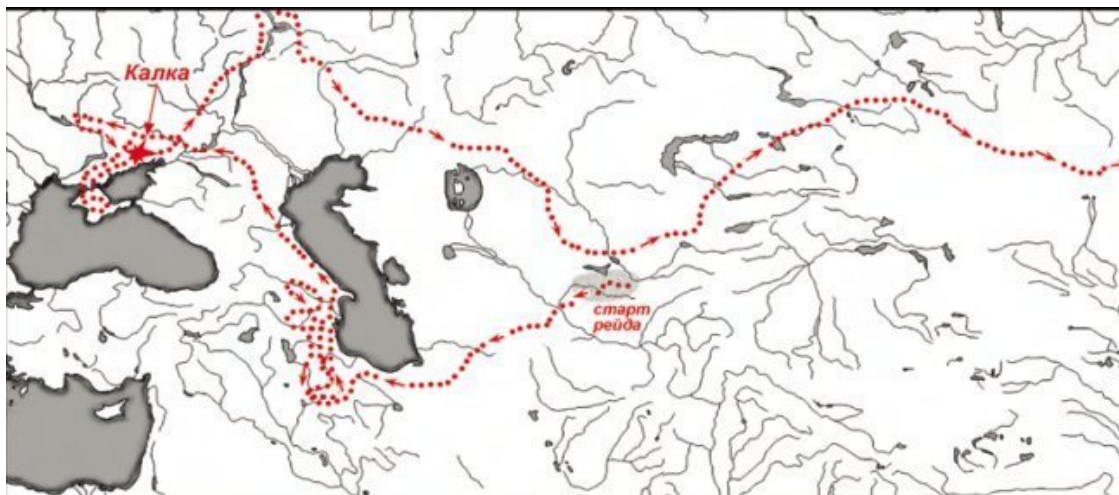

Рис. 2.7. Схематическая карта завоевательно-разведывательных походов туменов Джебе и Субутая

Конечно, досконально выверенный путь отрядов Субутая и Джебе прочертить довольно трудно (рис. 2.7). Однако тотальная протяженность этого до чрезвычайности извилистого и сложного маршрута, стартовавшего из бассейна Зеравшана в Средней Азии, вплоть до их возвращения к исходной области, вряд ли может быть короче 12–13 тысяч километров. Если же присовокупить к ним еще примерно пять тысяч километров, что проделали они в 1225 году от Средней Азии до родных берегов Онона и Керулена, то выходит, что за три или же четыре года конная рать обоих полководцев сумела преодолеть с боями – порой очень тяжелыми – до 18 тысяч километров!

Хрестоматийное восхищение, как обычно, вызывали и вызывают донныне походы Александра Македонского. Фаланги великого полководца IV в. до н. э. преодолели примерно 20 тысяч километров, но за 10 лет (334–323 и. до н. э.). Здесь же почти такой же путь, но всего лишь за промежуток времени в три раза более сжатый! Нынешнее наше наблюдение стало любопытным отзвуком несравненно более ранних высказываний, к примеру, упоминавшегося нами выше персидского историка Джувайни. Тот писал свои сочинения уже при дворе подвластных Монгольской империи иранских иль-ханов, отчего его труды и наполнены верноподданническими чувствами по отношению к новым хозяевам:

*«...если бы Александр [Македонский], имевший страсть к талисманам и решению трудных задач, жил во времена Чингис-хана, то учился бы у него хитрости и мудрости и не находит бы лучших талисманов для покорения неприступных крепостей, чем **слепое повиновение ему**»* [Юрченко: 139].

Но вот другой персидский историк ал-Насир: тот сочинял свою историю еще до окончательного покорения Персии монголами. Поэтому он поминает походы Александра Македонского, но уже в совершенно ином тоне:

«Ведь Александр [Великий], относительно которого летописцы согласны, что он был владыкою мира, [и тот] не овладел им с такой скоростью, а завоевывал его около 10 лет, и никого не избивал, а довольствовался изъявлением людьми покорности. Эти же в продолжение года овладели большей, лучшей, наиболее возделанной и населенной частью земли, да праведнейшими по характеру и образу жизни людьми на земле» [Юрченко: 156].

Всеохватная Великая империя

Различные источники сообщают, что Чингис-хан отличался любознательностью. По всей вероятности, придворные льстецы в какой-то момент поведали ему об Александре Македонском, а также, что он в своих деяниях далеко превзошел Искандера – величайшего завоевателя давно прошедших времен. И было бы совсем нелепо ожидать от Чингис-хана при этом некоей кокетливой застенчивости, – это абсолютно несходно с его нравом. Характер великого хана проявлялся не только в его жесточайших приказах об уничтожении всех несогласных склониться перед его волей.

Рис. 2.8. Конный табун в среднеазиатской полупустыне. Для меня всегда оставалось не совсем понятным: как в такой густой, неодолимой для взора тонкой лессовой пыли могли ориентироваться в своей бешеной скачке – наступавшие или же отступавшие – вооруженные всадники?

И это отнюдь не было проявлением подсознательного, бездумного инстинкта зарвавшегося варвара: постулаты своих моральных устоев он был в состоянии формулировать столь же твердо.

Рис. 2.9. Монгольские всадники преследуют мусульманских. Персидская миниатюра [Chronik: 315]

Если верить Рашид ад-дину, то вот, к примеру, представление Чингисхана об истинном счастье, которое он выразил в одной из бесед со своими сыновьями и внуками:

«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать» [Рашид-ад-дин II: 265].

Выражено все настолько определенно, что можно и не комментировать.

Чингис-хану, мечтавшему получить от Неба-Тенгри кроме всех благ еще и дар бессмертия, тем не менее пришлось покинуть этот мир в 1227 году. Ко времени его кончины полностью подчиненные монгольским властителям азиатские пространства покрывали примерно 10 млн. кв. км. Поскольку мы предпочитаем вести отсчет монгольских завоеваний с 1206 года, то выходит, что всего лишь за два десятилетия монголам удалось покорить области, равные тем, на которые мусульманским войнам в VII–VIII веках потребовалась сотня лет. И в этом отношении «монгольский феномен» также полностью затмил своих предшественников. Однако, темп завоеваний тогда только еще набирал силу.

Рис. 2.10. Чингис-хан на троне. Персидская миниатюра [Chronik: 311]

Понятно, что Чингис-ханом двигала не только жажда вкусить счастья в полном унижении врагов. Несравненно более величественная идея мировой империи созрела уже в голове Чингис-хана. Вершины славы великий хан достиг уже к началу 20-х годов XIII столетия или же к своему шестидесятилетию. Именно тогда его все чаще и чаще стала томить мысль о возможности избежать смертного часа, испив «эликсир бессмертия». Кто-то посоветовал Чингис-хану обратить внимание на одного знаменитого даосского монаха и философа: якобы семидесятидвухлетний китаец Чань-Чунь знал рецепт этого эликсира. Приверженный аскезе монах отказался от пышного эскорта и был доставлен из района Пекина в ставку Чингис-хана под Самарканд. Немалый путь в «десять тысяч ли» он проделал за восемь месяцев и потом полгода ждал, пока властитель вспомнит о нем.

– Святой муж, какое у тебя имеется средство для вечной жизни? – задал вопрос Чингис-хан.

– Есть средство хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия, – отвечал Чань-Чунь.

Диалог этот нам любопытен по той причине, что философ не уstraшился гнева великого хана, а хан не прогневался, и между ними завязалось даже некое подобие доверительных дружеских отношений. Сохранилось, к примеру, весьма примечательное письмо Чингис-хана приглянувшемуся владыке мыслителю, в котором хан поведал тому о некоторых своих сокровенных мыслях:

«Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвер-

гаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища. В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что у Цзинь [Китая] правление не постоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола. На юге Суны, на севере Хой хе, на востоке Ся, на западе варвары – все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших – Шань юй... За непокорность государей я гроплю их грозно; только приходит моя рать, дальние страны умирятся и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов» [Юрченко, Аксенов: 344–345].

Рис. 2.11. Угэдей, сын Чингис-хана и после него первый великий хан Монгольской империи. Китайское изображение [Груссе: 192–193]

Чингисовы потомки – а после его кончины великим или верховным ханом монголов провозглашен Угэдей – подхватили и развили эту идею всеохватной мировой империи. К началу 30-х годов XIII столетия мысль эта прочно угнездилась в головах монгольские вождей. Они открыто возвестили, что равных им в этом мире не сыскать и что под силу им теперь овладеть всей вселенной. При этом вполне понятно, что о самой вселенной представления у необори-

мых в те поры завоевателей были самые смутные. Тогда же в рядах кочевой элиты эта идея стала приобретать каноны, присущие религиозным системам: мировое господство монголам было предопределено самим благословенным и всеохватным Небом-Тенгри. Первовоплотителем воли Неба явился, конечно же, Чингис-хан. Фигура и имя земного демиурга нового мира предстали теперь символом и опорой этой высшей воли. Прямые наследники Чингиса также должны были наделяться почти божественной властью, во всяком случае, становиться ее непосредственными выразителями. Так, например, объявил о себе новый верховный властитель монголов Гуюк-хан:

«По повелению Бога живого, Чингис-хан, возлюбленный и почитаемый сын Бога, говорит: как Бог, вознесенный надо всем, есть бессмертный Бог, так на земле лишь один господин – Чингис-хан. Хотим, чтобы эти слова дошли до слуха всех повсеместно, в провинциях, нам покорных и в провинциях, против нас восстающих» [Юрченко: 111].

Великий курултай 1235 года решил отрядить монгольских воинов во все концы мира, оставшегося, по существу, им неведомым: в Южный Китай, Корею и Индо-Китай, в мусульманскую Месопотамию, наконец, в христианскую Европу. Так, Рашид ад-дин записывал:

«Благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевицы Боту, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевицами и многочисленным войском отправились в область русских, булар, маджар, башигирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали».

Рис. 2.12. Хубилай – внук Чингис-хана, последний великий хан Монгольской мировой империи. Китайское изображение [Wikipedia]

Думается, что в нашей книге нет особого смысла сколько-нибудь подробно описывать эту волну великих монгольских завоеваний. Напомним лишь о некоторых ее этапах. Внук Чингис-хана Бату-хан возглавил поход на Запад. В 1237 году его соединения прошли истребительным валом по городам древней Руси: 1237 год – Рязань; 1238 год – Владимир и Москва; 1240 год – Киев. В следующем году конница Бату-хана выкатилась в бассейн Дуная. Гибли в битвах воины венгров, поляков, хорватов. Финальный рывок, и Бату-хан уже мог любоваться голубой красотой Адриатики. Однако пышные в своей красоте окрестности Сплита и Дубровника оказались самой западной точкой монгольских нашествий. Отсюда воинство Бату-хана повернуло назад, на восток. В конце 1241 года завершил свое земное существование великий хан Угэдей. В центре необъятной Монгольской империи начинаются понятные волнения в связи со сменой фигуры основного лидера. Наступил период первого «междоусобия». Впрочем, подобная ситуация становилась вполне обычной для любых победителей, когда те начинали раздел доставшегося им наследства.

Рис. 12.13. Такими чудовищами, пожирателями людских трупов представлялись монгольские завоеватели в среде западноевропейского «образованного» общества [Грусс: 96–97]

Примерно такую же картину можно было наблюдать и в 1260 году, во время кончины следующего великого хана – Менгу. Тогда его брат Хулагу-хан, как сообщал Рашид-ад-дин, «...с огромной ратью устремился из Турана в Иран, и ни одна душа из халифов, султанов и меликов не нашла силы сопротивляться. Завоевав все страны, он дошел до Дамаска, и ежели бы к нему не подоспело известие о кончине брата, то и Миср [Египет] тоже был бы присоединен к прочим странам».

Кажется, что к 1260–1270 годам территориальные рамки Монгольской – самой обширной в мировой истории – сухопутной империи достигли своего максимума, покрывая фантастическую площадь. Наконец, великий хан Хубилай перенес столицу империи в Пекин (Карабалык) и основал новую монголо-китайскую династию Юань. Последняя просуществовала в

Китае 88 лет вплоть до 1368 года. Уже тогда Монгольскую империю – как-то очень быстро дряхлевшую и постепенно погружавшуюся в небытие – сдавили тиски сильнейших кризисов.

Кентавры с баллистами

Что же помогало монгольским ратям одерживать их бесконечные победы над самыми разнообразными врагами? Безусловно, что самым главным средством, приводившим к изумляющим мир военным успехам, у монголов являлась их неповторимая конница. По всей вероятности, монгольские всадники могли казаться чужеродным для них народам некими кентаврами, когда всадник представал перед ними как бы полностью слитым с конем. И это не удивляет, поскольку монгол-кочевник вплоть до нынешнего дня садится на лошадь, когда еще только-только привыкает к пешему хождению. Невысокие и не весьма изящные по внешнему виду степные лошади, верно служившие монголам, отличались удивительной выносливостью и неприхотливостью. Кроме всего, в реальности никогда конный монгол не мог отправляться в дальний поход, не подготовив себе в запас одного или двух коней, пригодных для таких странствий.

Строгая и четкая организация отличала их воинские подразделения: десяток – сотня – тысяча – тумен (десять тысяч) воинов. Дисциплина и взаимовыручка были безукоризненны: это отмечали все их враги. Трусость и бегство с поля боя карались нещадно.

У монголов были выработаны собственные и многократно проверенные тактические приемы боя. Быстро налететь, осыпать градом стрел, расстроить сомкнутые ряды противника, затем быстро умчаться, заманивая врагов в засаду. Завлекать противника мнимым бегством служило одним из самых любимых и эффективных тактических приемов. Причем порой такое притворное отступление могло длиться очень долго – несколько дней, покрывая бегом сотни километров. При этом вспомним хотя бы столь злополучную для русских князей битву при Калке, когда монголы увлекали русско-полоцкие рати к этой степной речонке от Днепра, проскакав не менее 600 км!

Рис. 2.14. Монголы становятся всадниками едва ли не на первом году своей жизни. Этот мальчуган еще не может ходить самостоятельно, но уже очень скоро его повседневная жизнь будет тесно связана с лошадью

Однако о монгольских конных ратях читатель, я уверен, знает уже многое. В гораздо меньшей степени нам ведомы приемы монголов при осаде и взятии городов, – а ведь им удалось взять штурмом и разрушить огромное, даже трудно учитываемое число крепостей в самых разнообразных областях Евразии. Не может не поразить здесь, пожалуй, также и то, что в этом отношении кочевники оказались удивительно способными учениками воинской науки тех оседлых народов, которые в течение долгих столетий отработывали методы осады и разрушения могучих крепостных сооружений. Сверх этого монголам удавалось вносить заметные модификации как в конструкцию осадных орудий, так и в способы их применения. Вот, к при-

меру, описание самими китайцами осады в 1232 году Субутай-нойоном города Лоян – столицы царства Цзинь («Гин» – у Н. Я. Бичурина):

«Баллисты, употребляемые монголами, были иного вида [в сравнении с китайскими]. Они разбивали жерновые камни или каменные катки на два и на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были строены из бамбука, и на каждом углу стены городской поставлено их было до ста [имеется в виду внешняя стена, уже захваченная монголами]. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали. В несколько дней груды камней сравнялись со внутренней городской стеной. Отбойные машины на стене городской построены были из огромного строевого леса, взятого из старых дворцов. Как скоро деревья размножались от ударов, то покрывали их калом лошадиным, смешанным с пшеничной мякиной, и сверх того обвивали сетями, веревками, канатами, тюфьями. Висячие дощатые щиты снаружи обиты были воловьими кожами. Монгольские войска употребили огненные баллисты, и где был нанесен удар, там по горячности не можно было вдруг помогать... Монгольские войска сделали за городским ровом земляной вал, который в окружности содержал 150 ли. На том валу были амбразуры и башни. Ров и в глубину и в ширину имел около 10 футов. На каждом пространстве от 30 до 40 шагов был построен пристен, в котором стояло около 100 человек караульных» [Бичурин-2005: 134].

Однако мне кажется, что наиболее неожиданным для нас явится сообщение, что в этой войне применялись пороховые бомбы или же «огненные баллисты, ...которые поражали, подобно грому небесному. Для этого брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки назывались чжень-тьхянь-лэй (т. е. потрясающий небо гром). Когда баллиста ударит и огонь вспыхнет, то звук уподоблялся грому и слышен был почти за 100 ли. Сии горшки сжигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню. Монголы еще делали будочки из воловьих кож и в них, подойдя к стене городской, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому со стены городской никак нельзя было вредить. Некоторые представили способ, чтоб спускать со стены городской на железной цепи горшки чжень-тьхянь-лэй, которые, достигши выкопанного углубления, испускали огонь, совершенно истреблявший человека и с кожей воловьей. Еще, кроме этого, употребляли летающие огненные копья [судя по всему, ракеты], которые пускали, воспаляя порох, сжигали за 10 от себя шагов. Монголы только двух этих вещей боялись» [Бичурин-2005: 135].

Правда, Н. Я. Бичурин не приводит сведений, что монголы также имели в своем арсенале пороховые снаряды. Однако при их стремлении использовать в войнах все новшества исключать такую вероятность вряд ли имеет смысл. И еще об одном: огненный бой с помощью громоподобных и все сжигающих пороховых горшков и ракет явился провозвестником огнестрельного оружия. Напомним, однако, что в католических странах Западной Европы первые огненные жерла заявили о себе лишь столетие спустя описанной здесь осады Лояна Субутай-нойоном.

Глава 3

Картина мира полвека спустя

Монгольская половина Евразии

К 70-м годам XIII столетия полувековой наступательный порыв монголов иссяк, и картина евразийского мира на некоторое время стабилизировалась. Публикуемая здесь карта (рис. 3.1) отражает на этот период лишь самые общие черты целостного полотна евразийского мира, поскольку излишняя детализация способна помешать основным целям нашего изложения.

Под властью монгольских ханов к этому времени оказалось не менее половины пространств суши всего Евразийской материка, или же около 27–30 миллионов квадратных километров из 52-х миллионов всей суши континента (рис. 3.1). По существу же их владения охватывали, конечно же, существенно большую часть всех значимых культур и социальных объединений Евразии: ведь тогда мало кто – включая и монгольских властителей – испытывал пристальный интерес к обществам таежной, северной зоны. В лесах обитали разрозненные племена охотников и рыболовов, которые, естественно, не были в состоянии составить какую-либо заметную конкуренцию или же оказать сколь-нибудь значительное сопротивление народам Степного пояса. В таежных аборигенах, промышлявших по преимуществу охотой, усматривали, скорее всего, лишь поставщиков ценных и нужныхномадам мехов.

Мусульманский мир, арабские халифаты, а затем уже и сельджукские султанаты претерпели в результате восточных нашествий, конечно же, самый существенный урон. Монголы овладели восточными, наиболее богатыми областями исламских сообществ – Ираном, Месопотамией и некоторыми другими, так что под их господством оказалось пространство, равное примерно пяти миллионам квадратных километров. На противоположном, западном фланге их господства – Пиренейском полуострове – католические короли и герцоги продолжали систематически вытеснять мавров к южному побережью полуострова; и под властью исламских вла-

дык на этом полуострове оставалась пока что лишь его жемчужина – Андалусия. За пределами иберийских земель под рукою исламских властителей находились довольно мало привлекательные по своей природной скудости области полупустынной и пустынной Северной Африки да их арабская колыбель – Аравийский полуостров. Исключение в этом ряду составлял, пожалуй, лишь один богатый Египет, который монголы так и не смогли оккупировать. Однако власть арабских мусульман по-прежнему распространялась на пространствах около 6 млн. кв. км. (рис. 3.1).

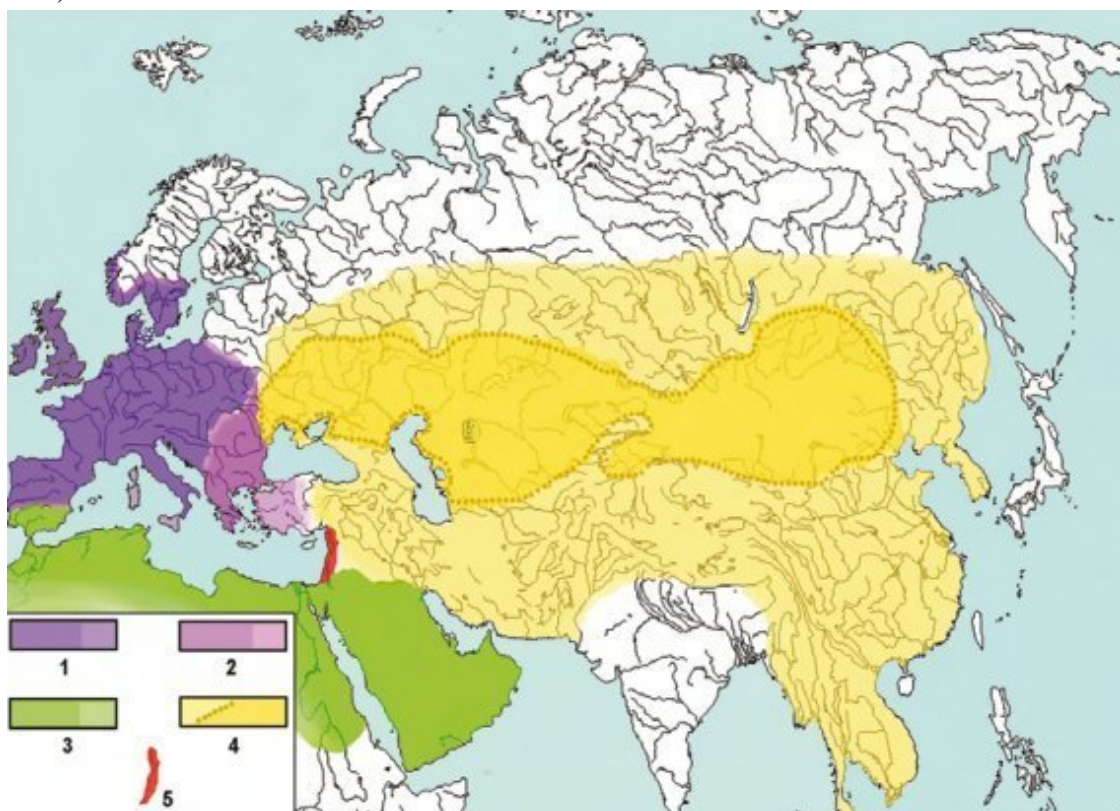

Рис. 3.1. Схематическая карта ареалов четырех блоков основных враждующих между собой сообществ во второй половине XIII столетия:

1 – христианские католические государственные объединения; 2 – Византийская империя и христианские православные княжества; 3 – исламские (арабские) государственные объединения; 4 – Монгольская империя чингизидов с контуром границ Степного пояса; 5 – королевство крестоносцев.

Примечание: границы ареалов отображены на карте намеренно расплывчато, что соответствовало исторической реальности; в центре ареала Монгольской империи различаются контуры Степного пояса

Христианский мир также понес немалый урон. Однако в его границах самые тяжкие испытания ожидали те княжества, где доминировали церкви различных восточных толкований христовой веры, как католических так и православных. Удары пришлось по преимуществу на армянские, грузинские, сирийские, а также древнерусские православные общины. Тем не менее под рукой Византии и родственных ей по вероисповеданию княжеств оставались территории до одного миллиона квадратных километров.

Католический мир, напротив, сохранил свои позиции, а в чем-то даже сумел их заметно усилить. При этом понятно, что неизбежность католических владений в значительной мере обеспечивал весьма необычный симбиоз восточных жертв монгольского нашествия, или же

своеобразная «исламо-православная подушка безопасности». Разнохарактерные государственные объединения с господством католических канонов веры распространялись по ареалу примерно 3–5 млн. кв. км (рис. 3.1).

Поэтому при взгляде на карту может легко показаться, что ко второй половине XIII века монгольские верховные правители до известной степени имели немалое право провозглашать себя истинными властителями всего мира – по крайней мере, того, каковой им в те поры грезились: *«Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце и, кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога там никто ничего не может сделать»* [Юрченко: 85].

Микроскопический полигон

Пожалуй, в это трагичное для огромного большинства евразийских народов время весьма странно представляла бесконечно длинная череда кровопролитных битв между христианами (в первую очередь, католиками) и мусульманами. Конечно, в этих бесчисленных схватках лишь длившаяся уже более пяти столетий испанская реконкиста выглядела сравнительно понятной и последовательной. Ведь там против мавров сражались потомки вестготов, в свое время столь сильно униженные мусульманами на полях брани Иберийского полуострова, и их томила вполне понятная жажда реванша. На фоне этого бесчисленные сражения на крохотном пятнышке Святой Земли кажутся довольно странными: ведь длились они не менее полутора столетий. Среди громад социально-религиозных объединений важнейших борющихся евразийских противников государство крестоносцев по своему территориальному охвату предстает комически ничтожным (рис. 3.1). Ведь даже в пору своего максимального успеха его площадь не превышала 80–100 тысяч кв. км.

Это довольно бесплодное, но весьма кровавое противостояние породило в европейской традиции великое число эпических – как прозаических так и поэтических – шедевров, а также пространную череду героических образов! Подразумеваем же мы здесь, прежде всего, те битвы, что на фоне прочих гигантских евразийских социо-тектонических сдвигов XIII столетия кажутся ныне весьма мало значимыми.

Однако что же все-таки заставляло католических вождей в таких условиях безумно долго и в общем-то – по большому счету – весьма безрезультатно биться с приверженцами Аллаха на каменистых и бесплодных холмах Палестины? И это удивляет тем более, поскольку в 1238 году ко двору Людовика IX, которого за его беспримерный католический фанатизм папский клир посмертно объявил Святым, прибыло исламское посольство. Целью мусульманских легатов являлся крайне желанный для них договор о совместном отпоре *«диким ордам человекоподобных тварей»*. Однако, ничего дельного из этих переговоров не последовало. Более того, уже позднее, в начале 50-х годов, удрученный обидами, нанесенными ему сарацинами в седьмом крестовом походе, Людовик IX инициировал крайне тяжелое и выглядевшее весьма сомнительным по ожидавшимся результатам многотысячекилометровое путешествие монаха Гийома де Рубрука в ставку великого хана Хулагу. Королем овладел наивный расчет договориться с могущественным монгольским властителем о комбинированном, двойном – с востока и запада – ударе по мусульманам, этим извечным и столь ненавистным врагам христиан. В ответ же великий хан предложил французскому монарху признать его власть и присягнуть на верность.

В середине XIII столетия имело место еще одно весьма любопытное событие. В 1244 году Джелаль ад-дин, сын того самого хорезмшаха, что бесславно завершил свои дни на островке Каспийского моря, сумел увернуться от свирепой гонки за ним туменов Субутая и Джебе. Блуждая в течение долгих 22 лет по Ирану и Месопотамии, он с остатками подчиненных ему хорезмийских войск придвинулся, наконец, к находившемуся тогда в христианских руках Иерусалиму и быстрым ударом захватил «пуп Святой Земли». Священный град оказался в

очередной раз дочиста разграбленным. Видимо, эта скорбная весть подвигла римского Папу Иннокентия IV выпустить тогда же буллу об очередном – седьмом (!) крестовом походе против сарацин. Уже упоминавшийся выше Людовик IX торжественно и смиренно возложил на себя этот нелегкий крест, однако никакой славы принятая ноша монарху не принесла.

Интересно также, что в том же 1244 году Иннокентий IV одновременно с провозглашением крестового похода посылает к нависшим мрачной тенью с востока монгольским ордам в качестве послов сразу две группы священнослужителей. Роль этих посольств, судя по их последствиям, оказалась для европейской истории намного более значимой, нежели седьмой крестовый поход французского короля. Но мы поговорим о восточных путешествиях католических монахов уже в следующей главе.

Восток и Запад: где же граница между ними?

С позиции устоявшегося вплоть до настоящего времени католического евроцентризма мир Востока начинается, по существу, с Палестины; а если уж быть еще более строгим, – то сразу за Иорданом: ведь недаром же Левант называется у нас Ближним Востоком. Причем прилагательное «Ближний» появилось не сразу, но в те времена, когда европейцам стало, наконец, известно о гораздо более отдаленных восточных пространствах, включая Восток Дальний. Правда, при подобном подходе само это понятие – «Восток» – разрасталось воистину до безмерных масштабов. «Запад» же должен был довольно скромно ютиться на краю гигантского Евразийского континента, занимая лишь западную половину той площади, что в энциклопедических изданиях признавалась за собственно материк Европы. (В скобках напомним, что во Введении к нашей книге мы даже предложили именовать эту часть Евразии Европейским мега-полуостровом или же субконтинентом, спаянным с запада с телом гигантского Евразийского материка).

Впрочем, урезанное «евроцентричное» понятие структуры мира с его членением на Запад и Восток казалось вполне логичным и понятным в свете тех географических представлений, что господствовали в средневековом христианском обществе (их мы обсуждали ранее). Однако победоносные монгольские орды, хлынувшие столь внезапно из тех таинственных глубин Азии, где приверженцы христовой религии размещали не только Рай, но и обитель Гога и Магога, в данную умозрительную картину вписываться никак не желали. Взрыв нового и для очень многих народов трагичного феномена заставил ряд европейских мыслителей усомниться в истинном характере привычной для западных христиан канонической картины мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.